

Одобрено
читателями

СОЦИУМ

АНТОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФАНТАСТИКИ

Наганов Гелгарин Летушкина Давыдова Ерохин Сальников Нахтов Лебединская Градинар Богданов
Мальченко Дачнов Волнов Автор Третья Трскиновская Немытов Алекс де Клетешье Лукин

Сборник

**Социум. Антология
социальной фантастики**

«Снежный Ком»

2018

Сборник

Социум. Антология социальной фантастики / Сборник —
«Снежный Ком», 2018

ISBN 978-5-9500850-4-8

В середине 60-х авторы «Оттепели» и «Новой волны» изменили отношение к фантастике. Если раньше ее воспринимали по большей части как развлечение для любопытных подростков, то теперь конструкторы вымышленных миров не постеснялись встать в один ряд с Большой литературой, поднимая спорные, порой неудобные для общества темы. Социальная фантастика вошла в золотой фонд не только НФ, но и всей мировой культуры. Мы не претендуем на место в этом ряду, задача сборника – заставить читателя задуматься, сомневаться и спорить. Уже не первый год сообщество «Литературные проекты» выпускает сборники социальных антиутопий с узкой темой. Но теперь мы намеренно решили отказаться от любых идеологических ограничений. Лишь одно условие объединяет все тексты в этом сборнике: грядущие проблемы человеческого социума. Фантастика часто рассуждает о негативном, прогнозируя в будущем страшные катаклизмы и «конец истории». Но что если апокалипсис придет незаметно? Когда киборги и андроиды заменят людей – насколько болезненным будет вытеснение *homo sapiens* в разряд недочеловеков? Как создать идеального покупателя в обществе бесконечного потребления? Что если гаджеты, справедливо обвиненные в том, что отняли у людей космос, станут залогом его возвращения? И останется человеку место в обществе, у которого скорость обновления профессий исчисляется уже не десятилетиями, а годами?

ISBN 978-5-9500850-4-8

© Сборник, 2018
© Снежный Ком, 2018

Содержание

Общественные технологии	6
Леонид Каганов. Лимонная планета	6
Майк Гелприн. Брат ты мой единственный	38
Мария Летюхина. Первый киборг	46
Александра Давыдова. Топ-топ-топ	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Социум (сборник)

Общественные технологии

Леонид Каганов. Лимонная планета

Несмотря на герметичность телепортационного коридора, ветер ощутимо дул в лицо и нес незнакомые запахи. Дженни Маль перешагнула красную линию и почувствовала деликатный толчок, как при сходе с траволатора. Иная планета, иная гравитация. Здесь было заметно легче, чем на Ферере, но все равно гравитация похожа на земную, хоть у планетки и мизерный диаметр. Дженни всегда оборачивалась: за спиной оставался многолюдный зал телепорта Фереры – жители разных планет терпеливо ждали, когда при благоприятных условиях откроются рукава в дальние места Вселенной. Студенты читали на ковриках, дети резвились, опоздавшие толпились у касс, багажные роботы возили туда-сюда негабаритные грузы. А дальше, где кончался зал, за стеклом простиралась бескрайняя Ферера – жилые высотки, купола зеленющих воздушных садов, огни рекламы, монорельсы... Рукав телепорта схлопнулся, зал исчез, и сразу прекратился сквозняк. Дженни повернулась обратно. Перед ней был местный зал прибытия, заброшенный и выкрашенный казенной краской. Металлические ограждения, две пустые таможенные будки одна за другой, выключенное информационное табло, составленные штабелем банкетки ожидания и сваленные в неопрятную кучу оградительные столбики с болтающимися петлями пыльной и выцветшей ленты. Сюда почти никто не высаживался, транзитные потоки шли в глубине хаба, пронизывая эту планетенку насквозь. Ни души. И никто не встречает.

Дженни прошагала мимо будок прямо к огромной двери с надписью «Exit» – не стеклянной, как в гражданских телепортах, а стальной, как в военных бункерах. Ее робот-чемоданчик мягко подкатился следом. Дженни вынула из-за пазухи медальон на цепочке и приложила к сканеру у двери. Дверь заурчала и послушно разъехалась. С той стороны как раз подходили двое: длинный сухой старик с мохнатыми бровями в парадном кителе, фуражке и с комендантским жетоном в руке, а рядом – черноволосый коротышка с ухоженной бородкой, окаймлявшей подбородок и рот.

– Добрый день. Дженни Маль – это я, – представилась Дженни и протянула руку старшему.

– Полковник Эрнест Гаусс, комендант базы, – отрекомендовался старик, крепко пожав ее ладонь.

– Херберт Медина, – представился чернявый коротышка, – биолог.

Гаусс нахмурил мохнатые брови и обвел суровым взглядом дверь, сомкнувшуюся за спиной Дженни.

– Кто вам открыл порт? – спросил он, раздраженно взмахнув комендантским жетоном. – У нас режимный объект, доступ только у меня.

– Инспектор ЦУБ, – напомнила Дженни, – обладает высшими полномочиями. С этой минуты база переходит под мое руководство. Вы же читали приказ?

– Так точно, – хмуро кивнул полковник и сделал приглашающий жест к лифту. – Добро пожаловать.

– Хотите выбрать каюту, принять душ, отдохнуть, поесть? – предложил коротышка Херберт.

– Пока мне не от чего отдыхать, – отрезала Дженни. – Я бы хотела ознакомиться с базой и гарнизоном.

Полковник молча кивнул. Они вошли в огромный технический лифт, и Гаусс нажал кнопку «2».

– Сейчас мы на самом нижнем этаже, – пояснил он, – пятом.

– Почти в центре планетоида, – вставил Херберт. – Шучу.

– Здесь хаб телепорта, – продолжал Гаусс, – реакторы, централи и прочая механика. Этажом выше – техническая зона, склады, ремонтные цеха и стойла роботов, там люди почти не бывают. Третий этаж – жилые каюты, вы можете выбрать любую, они все пустые. Второй – комнаты отдыха, столовая, рабочие кабинеты, конференц-зал и оранжерея. Собственно, мы здесь...

Двери лифта открылись, и полковник указал Дженни на большую оранжерею, начинавшуюся за стеклянными дверями сразу направо от лифта.

– Мы называем ее парк, – сообщил Херберт.

Дженни приоткрыла дверь в тропическую влагу и остановилась.

– Красиво, – кивнула Дженни, оглядывая бескрайний ярко освещенный зал, заросший, как джунгли, зеленью, оборудованный дорожками и скамейками. Под ближайшей скамейкой валялся забытый кем-то маленький плюшевый заяц, Дженни нагнулась и задумчиво подняла его. – Здесь все и случилось?

– Да, – хмуро кивнул Херберт.

– И отсюда выход на поверхность? – уточнила Дженни.

– Поверхность высоко, – объяснил полковник. – Над нами еще один ярус – для заключенных. А уже над ним ярус ноль – шлюз на поверхность.

– Про заключенных первый раз слышу, – удивилась Дженни.

– А их нет, ярус нежилой, – объяснил полковник. – База была спланирована как тюремный объект в том числе. Но заключенных нет, сейчас только двое ссыльных. К ним нет претензий, и я разрешил им жить вместе со всеми... – Полковник знал, что слегка нарушил инструкцию, и пояснил: – А куда они денутся с базы? Снаружи не выжить, снизу хаб заперт. И даже если пробежать в него – все равно без документов никуда не деться.

– Так сколько человек проживает на базе?

Полковник на миг задумался.

– Восемь, – сказал он. – Прибыли вы, вчера уехал Петерсон: восемь. – Он принялся загибать пальцы. – Биолог Херберт, техник Лях. Двое ссыльных: Мигулис и Саймон. Я. Вы. Наш врач Августа Петерсон. Ну и... – он запнулся.

– Нэйджел, – подсказал Херберт.

– Нэйджел чем занимается? – уточнила Дженни.

– Он просто Нэйджел, – ответил полковник. – Он растет, ему три года.

– Так это тот ребенок, которого выкрали рециды?! – оживилась Дженни. – Он все-таки нашелся?!

Полковник покачал головой:

– Не нашелся. Роботы продолжают поиск.

– Прошло два месяца, – удивилась Дженни. – На планете не выжить и дня без воды и кислородных масок! Значит, он давно мертв?

Полковник молча смотрел на Дженни, и теперь было понятно, что он очень, очень немолод.

– С вашего позволения, – задумчиво произнес он, – мой вам совет. Точнее наш. Точнее, просьба от всех нас: никогда не говорите так при Августе.

В конференц-зале была электронная доска, раскладные стулья и большой стол. После объявления по общей связи все собрались быстро. Последней вошла женщина, почти ровес-

ница Дженни. У нее было спокойное, но словно спящее лицо. Она двигалась медленно, а сев в углу, замерла, уставившись в одну точку.

Дженни взяла зайца и шагнула вперед.

– Добрый день всем присутствующим! Меня зовут Дженни Маль, я старший инспектор ЦУБ. Все вы знаете, почему я здесь. С сегодняшнего дня мы будем выстраивать новую ксенополитику с обитателями планеты. Впереди много работы, и я надеюсь, мы станем дружной командой. Сейчас нам надо познакомиться. Мы будем передавать этого зайца по кругу, и пусть каждый расскажет о себе. Начну я. Меня можно звать Дженни, мне тридцать пять, я родилась на Ферере. На Земле в Гавре получила степень магистра ксенотехнологии. В ЦУБе работаю пятнадцать лет, до этого работала в ООН. Я провела семь проектов в разных концах Вселенной, в том числе, это я выстроила отношения с зырянами. Я не хвастаюсь, но мне приятно об этом говорить. Обычно я веду тренинги, координирую штабы и подчиняюсь напрямую Совету. О том, что меня направляют сюда для полевой работы, я узнала неделю назад, и не было времени подготовиться, поэтому мне потребуется ваша помощь, чтобы войти в курс дела. Спасибо.

Она протянула зайца невзрачному мужичку в спортивном костюме.

– Меня зовут Саймон, – сказал он, бережно принимая зайца, словно боялся помять. – Мне сорок два, я родился на Земле, по профессии пилот. Отбываю восемь лет ссылки, осталось четыре с половиной. Живу в каюте 17, вы можете заходить в любое время, я готов помогать всем, чем смогу. Что-то еще?

Он неуверенно огляделся и передал зайца полковнику Гауссу.

– Эрнест Гаусс, семьдесят лет, родился на Марсе, военный. Принимал участие в боевых операциях, кавалер ордена Галактики второй степени. Двадцать три года команду этой базой, со времени ее основания.

Он решительно передал зайца Херберту.

– Херберт, тридцать восемь, биолог, профессор университета Кальмана. На планетоиде я пять лет. Здесь очень интересная флора и очень богатая фауна, – сообщил он с сарказмом.

– Сразу договоримся, – жестко перебила Дженни, – разумную расу мы фауной не называем.

Херберт кивнул, огляделся и передал зайца высокому бородачу с живыми черными глазами в старомодных роговых очках.

– Йозеф Мигулис, – представился бородач, – журналист, родился на Земле, тридцать семь лет. Осужден на пять, осталось два. Могу быть вам полезен тем, что немного знаю язык...

– Язык рецидов? – удивилась Дженни.

– Да, – кивнул бородач. – Делать тут нечего, а от ученых осталось много отчетов и аудиозаписей, мне было интересно копаться в них... – Он задумчиво покрутил зайца и быстро передал его соседу.

Техник Лях помял зайца большими пальцами и шумно выдохнул в сторону – кажется, он был пьян.

– Ну, меня зовут Лях, я по технике, если чего починить... А родился на Проксиме. – Он недоуменно посмотрел на зайца и передал его обратно Мигулису.

Мигулис осторожно покосился на Августу, но та по-прежнему смотрела в одну точку на пол перед собой. Тогда он поймал взгляд Дженни и вернул ей зайца.

– Августа, – сказала Дженни как можно более приветливо и протянула игрушку ей, – вы одна остались...

Августа очнулась, взяла зайца в ладонь и принялась его нежно гладить. Казалось, она снова не замечает никого. Затем она подняла на Дженни большие серые глаза.

– Одна осталась. Альфред вчера улетел. И Нэйджела все еще нет. Только его заяц.

– Хорошо, спасибо, давайте на этом закончим, я думаю, вы сегодня устали... – занервничала Дженни.

– Все думают, что я устала, – ответила Августа, снова глядя перед собой. – Еще все думают, что я схожу с ума. Но я держусь, мне просто тяжело. Меня зовут Августа, я родилась на Земле, выросла в католическом приюте. Мне двадцать шесть, я работаю здесь врачом. Я была замужем, у меня есть сын, он пропал, а я верю, что он все еще жив... Я думаю, ничем вам не смогу помочь, Дженни. Можно я уйду к себе и заберу этого зайца?

– Конечно!

В наступившей тишине Августа вышла, шагая медленно и неуклюже.

Дженни обвела взглядом собравшихся.

– Всем спасибо за первую встречу. На сегодня все, – сообщила она. – Завтра в это же время жду вас здесь, чтобы объявить программу действий.

* * *

Через час в каюту Дженни робко постучали, а затем просунулась голова Саймона:

– Не помешаю?

– Заходите, – кивнула Дженни, откладывая планшет. – Что-то случилось?

– Ничего, – ответил Саймон. – Просто зашел спросить, может, вам что-то показать, рассказать, помочь устроиться? Вы же первый день, и вы инспектор... – добавил он заискивающе.

Дженни кивнула на кресло, приглашая сесть.

– Вы пришли и снова предложили помощь, а до этого приглашали в свою каюту 17. Саймон, я вам нравлюсь как женщина?

– Как вы могли подумать! – испугался Саймон, а затем смутился еще больше. – Я имею в виду, вы... очень яркая женщина и, конечно, всем... безусловно... должны нравиться... Но поверьте, я совершенно не это... не в этом смысле!

– Спасибо, – кивнула Дженни. – Значит, вы надеетесь, что инспектор сбросит вам срок за старание?

Саймон выпучил глаза, открыл рот и закрыл.

– Нет, Саймон, – сообщила Дженни. – ЦУБ занимается безопасностью Вселенной. Осужденными занимается Управление наказаний, это другая структура. Я могу упомянуть в своем рапорте ваше хорошее поведение, но в Службу наказаний мой рапорт никогда не попадет – материалы ЦУБа имеют высшую секретность.

– Жаль, – вздохнул Саймон и встал. – Я тогда пойду?

– Подождите, – усмехнулась Дженни. – Поговорим, раз уж пришли. А я подумаю, можно ли что-то для вас сделать.

– Что вам рассказать? – оживился Саймон.

– Как вы догадываетесь, меня интересуют только рециды. Расскажите про них.

Саймон поморщился.

– Это такие тараканы ростом с барана. Снизу три ноги, сверху три клешни, морда пирамидкой со жвалами такими жуткими, шипастыми. – Его снова передернуло. – Они живут в норах и бегают по поверхности. И это их планета.

– Вы, Саймон, что о них думаете?

Саймон вздохнул и развел руками.

– Страшные, бессмысленные звери, – сказал он тихо. – Я их ненавижу. И все здесь их ненавидят и боятся. И они нас ненавидят. Только не боятся. И планету эту я ненавижу – этот проклятый ядовитый сладкий песок, этот адский климат... Я здесь три с половиной года, а кажется, что всю жизнь!

– Не пойму вас, Саймон, – удивилась Дженни. – Вы живете на подземной базе, в комфортной температуре, в компании неплохих людей: ученых, гражданских, военных. У вас игровые приставки, столовая, тренажерный зал, парк. На поверхность вам ходить не положено, вы

ссылный. Как вам удастся ненавидеть планету, рецидов и сладкий песок? Вы его что, языком пробуете?

Саймон приосанился.

– Ну, во-первых, я здесь полезный член общества, полковник меня всегда выгоняет работать наружу вместе со всеми. А там дел хватает не только для роботов – они же вышки подкапывают и солнечные батареи рушат. Песок здесь везде – он просачивается на базу, сыплется из вентиляции, его разносят роботы на подошвах, пылесосы не справляются. Вы пальцем проведите по стене в лифте – вот она, желтая пыль. Это проклятые соли свинца – с ураном, торием, йодом и еще черт знает чем, из них вся планета состоит. И не дай вам бог не сплунуть, если почувствуете на зубах крошки и сладкий привкус. А что касается рецидов... послушайте, но они же роют! Они же роют как черти! Дурак полковник ставит заборы с колючей проволокой, но что им проволока, они же панцирные! Мы все тут живем в страхе. Вы знаете, как они унесли Нэйджела? Прокопали нору сверху до самой оранжереи! А когда он вышел поиграть – просто схватили его и унесли! Прямо на глазах матери... А их же не догнать! Они же как метеориты бронированные, и клешни у них как ножи! А он был такой толковый мальчишка... – Саймон грустно умолк.

– Вы любили Нэйджела?

– Его все любили! А как не любить? Он при нас родился, начал ползать, ходить, говорить, это первый человек, родившийся тут, мы им гордились! Я клеил с ним маленькие аэробусы...

– Все-таки о рецидах, – перевела разговор Дженни. – Зачем они это сделали? Они выставили какие-то условия?

Саймон покосился на нее удивленно.

– Да какие условия? Они ж тупое зверье! Убить кого-то – это у них геройство, чтоб потом хвастаться, чтоб свои уважали. Они же людоеды, в смысле каннибалы – друг друга жрут каждый день. А нас тем более им за честь сожрать! У нас за всю историю базы пять человек погибло! Они же глаза сожранных врагов вешают себе на голову как ожерелье. А глаза висят и воняют, пока свежие. У кого больше побрякушек – тот круче. А от кого сильнее воняет – тот в расцвете сил, недавние подвиги...

Дженни посмотрела на Саймона с интересом.

– То есть, когда полковник выжигал ближайшие поселения рецидов с их женщинами и детскими коконами, вы это одобряли?

– А что ж нам было делать еще?! – вскричал Саймон. – Мы надеялись до заката найти Нэйджела! Мы выгнали наружу всех роботов, все трактора, все огнеметы...

– И вы это одобряете?

– Да кто ж... – снова вскричал Саймон, но осекся и забормотал тихо: – Нет, ну я, конечно, как ссылный не имею права рассуждать... Мне приказал полковник – я сел в трактор и поехал. Как все. Что сказали – то и делал. Мое дело – послушание...

Он очень боялся наговорить лишнего.

– За что вы были осуждены, Саймон? – спросила Дженни задумчиво.

– Непредумышленное убийство, – буркнул он. – На самом деле несчастный случай. Я был пилотом аэробуса, туристы погибли, а мне повезло.

– За это не дают восемь.

– Ну... – Саймон замялся. – У меня был парашют, а у них нет.

– Неоказание помощи и оставление в беде?

– Там был всего один парашют, – еле слышно выдавил Саймон. – Я перепугался, когда салон вспыхнул, думал, они погибли, кто ж знал... – Он вдруг поднял на Дженни взгляд. – А что вы меня обвиняете, Дженни?!

– Я вас не обвиняла.

– Вы думаете, остальные здесь лучше? Думаете, только мы с Мигулисом ссыльные, а остальные сами сюда работать приехали, в этот тараканий ад? Лях – алкоголик, его со всех работ повыгоняли! Полковник, когда еще был генералом, утюжил города повстанцев на Венере, его Генштаб от трибунала еле отмазал! Да он и сейчас такой! – Саймон опасливо оглянулся на дверь и понизил голос: – Он же рецидам дарил зараженные радиацией полотенца, чтобы они вымирали целыми поселками! Он фашист хуже Херберта! Вы ж знаете, Херберта сюда выгнали из университета – за статьи о расовом превосходстве позвоночных над панцирными. Чуть не посадили! Петерсон – самовлюбленная тварь, гнилая душа...

– Петерсон Августа?

– Петерсон Альфред! Он улетел. Подал на развод, бросил жену и сбежал. Не могу, говорит, больше тут ни минуты, – передразнил Саймон, – я погибаю, я потерял своего ребенка, мне так тяжело, я самый несчастный, я не могу так больше жить, мне нужно себя спасти или я погибну! А она никуда убежать не может – у нее крыша поехала, Нэйджела ждет...

– Не наша работа осуждать других, – веско заметила Дженни. – Мужчины тяжелее переносят стресс. По статистике, девяносто процентов мужчин бросают семью, если ребенок погибает или серьезно заболевает, это глубокий инстинкт продолжения рода – бросить проблемную самку.

– Я бы никого не бросил! – с чувством заявил Саймон. – А он всегда был эгоист! Вот вам пример: наша столовая, на столе общее блюдо с котлетами...

– А Августа? – быстро перебила Дженни, делая пометку в планшете.

– Августа – дура сумасшедшая! Вы еще наплачетесь с ее заскоками! Ее на лечение надо сдать, но врач-то здесь она! Она ж головой поехала от горя – ходит, Нэйджела зовет, молится, чтоб вернулся, на поверхность ночами вылезает без разрешения, и бродит до утра, пока кислород не кончится – он ей мерещится за каждым кустом. Говорить с ней нельзя – молчит, или плачет, или в одну точку смотрит.

– А Нэйджел?

– Нэйджела давно тараканы съели, это ж всем понятно!

– А Мигулис?

– Мигулис в ссылке по суду, как я! Это проклятое место, сюда по доброй воле никто не едет!

– А я?

– Что вы? – растерялся Саймон.

– Как думаете, меня тоже за провинность сослали?

– Вы инспектор, наверно по работе...

– Да, – кивнула Дженни, – по работе. И очень жалею, что меня не прислали сюда раньше. Потому что на этой планете с самого начала нужен был профессиональный ксенотехнолог. Не дожидаясь ни жертв, ни скандалов на всю мировую Сеть.

Подходя к кабинету полковника, Дженни услышала голоса из-за приоткрытой двери. Она остановилась и прислушалась.

– Августа, родная, – говорил полковник таким отеческим тоном, какого Дженни от него не ожидала, – у нас нет на складах мягких игрушек! Попроси Ляха, пусть выпилит из пластика...

– Нэйджелу нужны мягкие игрушки, – без интонаций повторяла Августа. – Я вчера увидела его зайца и почувствовала: он сейчас очень по нему скучает. Когда Нэйджел вернется к нам, он будет очень уставший от песка, камней и рецидов. Он захочет отдохнуть и поиграть. Пусть у него в комнате будет новый ковер с цветами и новые друзья: большой плюшевый жираф и оранжевый маго с Фереры. Закажите это, Эрнест...

– Августа, – терпеливо объяснял полковник, – давай-ка мы с тобой как бы... подождем Нэйджела и сами спросим у него. Вдруг ему захочется не жирафа, а – ну я не знаю – львенка, а лучше даже набор солдатиков? И тогда мы уж точно закажем!

– Львенка? – задумалась Августа. – Ну конечно, и львенка! Дайте, я впишу еще львенка...

– Августа, родная, – мягко отвечал полковник, – у базы лимит. Я не могу послать в диспетчерскую список игрушек вместо запчастей и продуктов – там решат, что я спятил...

Августа открыла рот и беззвучно зарыдала.

Дженни решительно вошла в кабинет. По лицу Августы лились самые настоящие слезы, ее трясло, выглядела она ужасно.

– У нас, полковник, – сказала Дженни с напором, – полный безлимит, завтра будет огромный список заказов высшей срочности. Там будут тонны ковров, расписная посуда, ткани, ящики с украшениями. И совершенно не трудно дописать плюшевого львенка для Августы, если ей нужно.

– Это же не мне! – всхлипнула Августа. – Это для Нэйджела! Вдруг он жив, вдруг он вернется? Мы должны сделать все возможное... Мы не можем просто сидеть сложа руки и просто ждать... ничего не делая...

Дженни обняла Августу за плечи.

– Августа, вы правы! Обещаю: все игрушки вашего списка будут включены в доставку. А сейчас идите к себе и отдыхайте.

– А еще можно ли... – с надеждой обернулась Августа, – можно еще меховую курточку? Там ведь, – она ткнула пальцем вверх, – ночами в пустыне минус сорок, Нэйджел был в одной маечке, он же мерзнет сейчас!

Полковник снова хотел что-то сказать, но Дженни бросила на него испепеляющий взгляд.

– Курточку закажем обязательно, – уверила она, выпроваживая Августу.

Убедившись, что ее шарканье затихло вдали коридора, Дженни набросилась на полковника:

– Гаусс, что вы творите? Женщина в психотравме: убили сына, сбежал муж, а вы уперлись, вам жалко выписать плюшевого жирафа? Да пусть обнимет хоть сто жирафов и плачет в каюте, пока не придет в себя! Нам с планетой надо разбираться, а вы мне хотите добавить работы с Августой!

Полковник Гаусс выпрямился.

– Дженни Маль, она бредит! Ее надо вернуть в реальность, а не потакать! Завтра Августа попросит карусель для Нэйджела, потом зоопарк для Нэйджела, потом школу для Нэйджела с партами и живыми одноклассниками!

– Это вы бредите! – крикнула Дженни. – Просто дайте несчастной женщине плюшевого жирафа!

– И курточку?

– И курточку! Я вижу, она достаточно вменяема, критически оценивает свое состояние и хорошо держится, чтобы не доставлять нам лишних хлопот. Пока Нэйджел был жив, вы же заказывали ему одежду и игрушки, не препирались? Вот и продолжайте! Ей нужно только одно – чтобы все шло как раньше! И это не ваша работа, полковник, убеждать несчастную мать, что ее сына больше нет, – жизнь это сделает без вас.

Полковник Гаусс хмуро массировал ладонями шею.

– Может, вы и правы, Дженни, – выдавил он наконец. – Я человек военный, привык командовать здоровыми мужчинами. А вы там профессор, психолог всякий, вам виднее. Я решу, что можно сделать для Августы...

Дженни строго постучала пальцем по столу.

– Еще раз напомню, полковник, если вы невнимательно прочли приказ: все решаю на этой базе я. Единственная причина, почему вы до сих пор здесь, а не в следственном изоляторе ЦУБа, – это потому что вы мне нужны для работы с рецидами.

Полковник выпрямился во весь рост.

– Если ЦУБ мне больше не доверяет, я готов сегодня же подать рапорт об отставке!

– Э, нет! – усмехнулась Дженни. – Наломать дров и сбежать? Нет, теперь нам всем предстоит это расхлебывать!

– Что расхлебывать?!

– Вы так и не поняли? – удивилась Дженни. – Хорошо, объясню. Пересядьте, пожалуйста, на диванчик, а я займу ваше кресло, чтоб мы с вами лучше понимали наше нынешнее положение. Итак, вы сидите на базе двадцать три года.

– Саймон сидит. Я служу.

– Все это время про Ич-Шелл никто не помнит. Все знают Большой Шелл – планету с древней расой и богатой цивилизацией, там есть что посмотреть. То, что у Шелла есть мало-пригодный для жизни спутник, планета Ич-Шелл, – помнят только астрономы.

– Это не планета, а планетоид, – поправил полковник.

– Неважно. В его глубине – транспортный хаб, каких тысячи во Вселенной. Но он жизненно необходим нашей расе, потому что Большой Шелл – вы знаете, под чьим протекторатом. Адонцы не дадут нам построить свой хаб. А других пригодных тел в этом районе нет. Без хаба мы теряем доступ ко всему рукаву Малого Магелланова Облака, а там наши территории и наши люди. Поэтому уйти мы отсюда не можем. И здесь имеется наш гарнизон, а также ремонтники, пара ученых. Но тут есть жизнь. Причем разумная.

– Это не разум.

– Есть критерии разумной расы, полковник. Рециды разумны по всем критериям. И вот мир живет все эти годы в уверенности, что база – сама по себе, рециды – сами по себе, и, наверно, какие-то ученые приходят к дикарям собирать фольклор, а взамен дарят азбуку, фонарики и водяные скважины.

– Примерно так и было, пока они не сожрали фольклористов, – кивнул полковник. – Только азбука наша им ни к чему – у них врожденный язык-рефлекс, их мозг не способен выучить и десяток чужих слов, мы пытались. И скважины, кстати, мы тоже ставили – они их сами поломали и забили камнями. У них же война племен, битвы кланов, кровная месть, набеги. Пусть ни у кого не будет колодца, лишь бы у врага не было...

– Это ваша неудача в работе с рецидами, – жестко перебила Дженни.

– Моя работа – обеспечивать безопасность базы! – возразил полковник. – А они все портят!

– Что портят?

– Вы забываете, – прорычал полковник, – что из-за ваших идиотских экологических законов мы сидим на урановой планетке без атомного реактора! И весь транзитный хаб, не говоря уже о базе, питается от солнечных батарей в пустыне! У нас сорок квадратных километров солнечных батарей! И когда твари сознательно портят их и рубят кабели, моя задача – выпускать роботов с огнеметами! Все эти годы мне никто не говорил ни слова, всех устраивало!

Дженни усмехнулась.

– В мире много событий. Бестолковая наука в заброшенной дыре, несговорчивые дикари и даже погибшие техники с лингвистами – все это в новостные топы попадает редко. Граждан мира интересуют только новости, спорт и происшествия... Но тут... похищают ребенка!

– Это не наша вина! – снова возразил полковник. – Они же постоянно роют и ломают! Мы следим, мониторим активность пустыни, у нас всюду сигнализация, тысячи датчиков, охранные роботы в патруле...

Дженни гневно ткнула пальцем в полковника:

– Вы никому не были интересны, пока не погиб ребенок! Но эта новость попала в топы! И вас заметили! И кучи блогеров всего мира бросились подключаться к датацентру базы, изучать архивы и записи, и обсуждать на весь мир, кто же вы, черт побери, такие и что у вас тут творится! И что они видят в реальном времени с камер ваших тракторов?! Как вы едете по пустыне и убиваете туземцев!!! И новостные ленты мира заполняются уже не новостью одной строки о пропавшем где-то на краю Галактики ребенке, а подробнейшими репортажами про войну с местной расой. Шеренги роботов с огнеметами, горы сожженных панцирей в пустыне, обгорелые личинки в сожженных коконах, еще извивающиеся...

– Мы пытались найти ребенка!

– Привычными средствами! Как с теми радиоактивными полотенцами, да, полковник?

Полковник сжал зубы и некоторое время молчал.

– Какие полотенца? – спросил он наконец. – Не было полотенца.

– Это я вас должна спросить, какие!

– Кто вам эту чушь сказал? Это когда было-то! Пятнадцать лет назад, когда главного техника убили...

– В итоге, – продолжила Дженни ледяным тоном, – весь мир, вся Вселенная стоит на ушах, клешнях, щупальцах, кто на чем, и конца скандалу нет уже второй месяц! А виноват ЦУБ! Потому что у нас под носом, оказывается, все годы идет война и бойня, гибнут наши родные дети и чужие личинки! Происходят без суда и следствия массовые казни и геноцид разумной расы! Вы в своем уме, полковник Гаусс?! У Вселенной возникают вопросы – к кому?

– К ЦУБу?

– Если бы только к ЦУБу! Вопросы ко всей расе землян! Потому что мы тоже подписали Пакт Гуманизма. А вы даже не представляете себе резонанс!

Полковник молчал.

– Вам доверили планету, полковник Гаусс. Вы больше двадцати лет работали, а довели ситуацию до катастрофы. И теперь мы будем это расхлебывать. Я – диктовать, вы – исполнять.

* * *

Дженни снова оглядела конференц-зал: все в сборе, не было только Августы. Но это и к лучшему. На доске появился слайд, загруженный Дженни.

– Начнем с азов. Первый параграф Конституции Вселенной кто помнит?

– Все расы равны, – подсказал Херберт с иронией.

– Совершенно верно, – отчеканила Дженни. – Поэтому с сегодняшнего дня на базе не должно звучать ни единого слова о неразумности рецидов. Это понятно, Херберт?

– А что сразу Херберт? Вы, инспектор, не должны меня понимать превратно. Разрешите объясниться. Я никогда не призывал к дискриминации! Но Конституция ведет речь о юридическом равенстве. А с точки зрения биологии расы космоса не могут быть равны: у них разный вес, рост, разные сроки жизни. Я даже не говорю про разное развитие цивилизаций. Но у разума много биологических параметров! Например, память, способность к обучению, умение подавлять инстинкты ради сложных поведенческих стратегий. Объективные научные критерии придумал не я. Линейкой мы можем измерить рост, тестированием – способность к обучению. И получим разные цифры. Которые покажут, что расы не равны. Я вовсе не намекаю, будто слабая память...

– Именно что намекаете, Херберт! – отрезала Дженни. – Для нас, ксенополитиков, не имеет значения, что думают биологи, психологи, историки, социологи, а тем более военные. Нам не важно, правда ли, будто у рецидов плохая память и скорость мысли – в нашей профессии правды не существует. Вам надо просто вызубрить: неразумных рас не существует. Раса,

если она раса, разумна по определению. А разум не измеряется тестами, он или есть, или нет. Он неделим как квант!

– Кванты делятся, – заметил из угла Мигулис.

Дженни бросила на него испепеляющий взгляд.

– Я смотрю, вы совсем тут одичали. Повторяю как инспектор ЦУБа: разум – неделимая, неизмеримая величина. В религии это – душа. В синтетизме – элементаль вселенского замысла. В юридическом праве, в философии, даже вульгарном атеизме – субъект. Объясню на примере. Вы разумны, пока спите, Херберт? Вы осознаете себя? Вы много выучили во сне? Получается, днем вы разумная раса, к вечеру устали и полумразумная, а ночью – неразумная?

– На таком уровне я полемизировать не готов, – сообщил Херберт.

– С вами никто здесь не полемизирует, – ответила Дженни и вынула из-за пазухи жетон на цепочке, показав его Херберту и всем присутствующим. – Вам следует вызубрить первый параграф: все расы равны. Повторите!

– Все расы равны, – повторил Херберт.

– Прекрасно. А если равны, то мы обязаны строить дружеские отношения. Все расы – друзья. Повторяем за мной хором: «Все расы друзья». Три-четыре! Все вместе!

Раздался нестройный хор голосов.

– Еще раз! Громче! Все расы друзья! Все расы друзья!

Присутствующие повторяли за Дженни несколько раз, пока она не сочла, что достаточно.

– Жаль, что нет рецидов в этой комнате, – заметил Херберт в наступившей тишине. – Им было бы полезно.

Все засмеялись.

– Вас, Херберт, как разумную расу с хорошей памятью, я попрошу запомнить этот разговор, – отчеканила Дженни. – Потому что через месяц в этой комнате будут рециды. И будут повторять «все расы друзья» вместе с нами. Это часть программы.

Собравшиеся изумленно переглянулись.

– Но у рецидов нет слова «друг», – задумчиво произнес Мигулис.

– Этого не может быть! – отрезала Дженни. – Вы просто не знаете!

Мигулис погладил бородку и аккуратно выдохнул.

– В языке рецидов всего четыреста двадцать слов, – сказал он тихо. – Несложно выучить. Но понятия «друг» нет. Есть понятие врага – «чуг». И термин «аг-чуг» – по смыслу что-то вроде «временный помощник в убийстве общего врага».

– Союзник, – догадалась Дженни.

– Не совсем. Когда враг убит, твой аг-чуг сразу превращается в чуг – теперь предстоит разобратся с ним.

– Значит, нам выпадет честь подарить их языку слово «друг»! – попытожила Дженни.

Все смущенно замолчали. Мигулис покачал головой:

– У них врожденный язык. Они вылуплиются с языком, памятью родителей и предков.

– Мемонаследование, – уточнил Херберт. – Как у галасимцев, адонцев и трисимметричных панцероидов Большого Шелла. Они получают с генами язык, приемы боя, нормы морали, а заодно помнят самые важные эпизоды из жизни предков своего рода.

Полковник тактично кашлянул.

– Вам, Дженни, нужно время, чтобы собрать побольше информации.

– Знание базовых принципов освобождает от изучения ненужных частных! – отрезала Дженни. – Социальные законы едины для всех рас. В известной нам Вселенной сто восемь разумных рас. Я – магистр ксенотехнологии. Я работала с семью расами, выстроила отношения даже с зырянами! Сегодня я главный эксперт-технолог во всем ЦУБе. И я знаю, что говорю. В любой культуре есть союзники, есть привязанность к братьям, родителям...

В конференц-зале снова повисла тишина.

– Ну давайте, Мигулис, раз уж начали, чего молчите, – усмехнулся полковник.

– А почему я? – обернулся Мигулис. – Пусть Херберт объяснит, он биолог!

– А мне это зачем? – возмутился Херберт. – Есть литература по рецидам, статьи, справочники – все подробно описано, читай, не выходя из кабинета ЦУБа. Зачем мне это озвучивать? Чтоб потом в рапорте стояло, что Херберт опять фашист и оскорбляет чужую расу?

– Давайте я попробую помочь нашей Дженни! – вызвался вдруг Саймон и поднял руку. – Дело в том, что у рецидов нет привязанности к родителям – мать они сжирают, как только та перестает плодоносить, отца – как только он слабеет. Съесть отца – почетно, это выпадает не каждому, потому что потомков сотни. Лишних потомков сжирают отцы – обычно к концу засухи, когда племя доедает всех пленных рабов. Если отец был вождем – убивший вождя сам становится вождем. Любви к братьям у них тоже нет – братьев начинают жрать еще внутри кокона, и так растут: из полтысячи зародышей остается пятерка сильнейших, они и вылупляются...

– Пренатальный отбор, – уточнил Херберт. – Ни у какой другой разумной расы такого нет. В мужской отсек кокона самка закладывает около четырехсот личинок и замуровывает. Они начинают расти и драться за пищу. А пища в коконе – только они. Вырастают три-пять самых злобных... простите, сильных. Растут они внутри, уж извините за совпадение, около девяти месяцев. И вылупляются взрослыми, только встать на задние ноги и пройти ритуальный экзамен по истории рода. Детства у них нет – все обучение проходит в коконе, в тесноте и драках. Биологи ставили внутрь видеожучков – возьмите записи, если не противно. Мне приходилось стоять у коконов и слышать вопли оттуда. В отсеке самок вылупляется одна: самки не воюют, у нее есть питательный пузырь, она его доедает и выползает за шесть месяцев. Самок считают недоразвитыми, панциря у них нет, за членов общества их не держат, они непрерывно строят коконы и плодоносят. На всякий случай уточню, что я не приветствую подобных законов природы, а выступаю против насилия, взаимной ненависти и половой дискриминации – так и укажите в рапорте.

Дженни даже слегка растерялась. Паузу нарушил Мигулис:

– Если вернуться к языку, иногда вылупляется всего один – единолуп. Единолупом быть особо почетно – вырос без братьев, сумел всех сожрать. Если вылупляются несколько, то есть перволуп – самый сильный, который пробивает выход из кокона, а за ним братья – солупы. Если кто-то из них потом убьет перволупа, он становится перелуп – убивший перволупа, тоже почетный титул...

– Хватит! – нервно перебила Дженни. – С меня довольно!

– Они, Дженни, – грустно подытожил полковник, – конечно, равная раса и очень нам друзья... Но ничего общего не найти. Поверьте тем, кто живет с ними рядом много лет.

– Почему ничего общего? – возразил Мигулис. – Кровная месть племен. Этот обычай был и у нас в древности...

– Стоп и тишина! – перебила Дженни и призывно хлопнула в ладоши. – Разговоры окончены, продолжаем работу по плану.

Она включила новый слайд.

– Времени мало, в двух словах азы технологии. Работа с чужими территориями бывает трех видов: партнерство, протекторат и марионеточное спонсирование. Первые два требуют достаточного уровня культуры, о них говорить не будем. Наш путь – третий. Рециды – примитивное общество четвертой категории с типичными проблемами. ЦУБ ведет четыре похожих проекта в разных концах Вселенной. Для примитивных мы используем стратегию «*electi et impera*». Для обществ индустриальных – «*divide et impera*». Для высших, информационных – «*pressa et impera*». Все схемы известны со времен Древнего Рима. Кому интересно – возьмите любой учебник по ксенотехнологии. Здесь первобытная клановая структура без власти и закона. И наш метод – *electi et impera*. Задача – сформировать *electi*. Для этого нам надо

провести империализацию и выстроить вертикаль, на вершине которой будет лояльный нам вождь, следящий за своей территорией. Взамен он получает дотации – в нашем случае это простейшие предметы быта, а также поощрения самолюбию, учитывая совсем низкий класс цивилизации. Такова схема марионеточного спонсирования – невмешательство во внутренние дела с поддержкой лояльного следящего. Наша цель – чтоб он контролировал всю территорию и обеспечивал нам спокойствие на ней. Для прессы это всегда называется дружбой народов. Для внутреннего пользования – гарантиями порядка. Для цивилизованного мира это единственный допустимый, а заодно самый эффективный способ прекратить нападения, подкопы и похищения людей. Альтернатива – геноцид. Но этот позорный путь никогда не применяется. Почему, полковник?

– Запрещен Пактом Гуманизма, – отпартовал Гаусс.

– А еще потому, – веско закончила Дженни, – что это все равно что признать собственное неумение работать по примитивным территориям.

– Примитивные территории? – присвистнул Херберт. – Нет ли в этом расизма?

– Это научный термин из учебников, он относится к уровню общества, а не к расе. Есть высокоразвитые общества, есть примитивные. Высокораствитая цивилизация должна обладать высокими технологиями работы с примитивными – гуманизм и толерантность. Этим мы и займемся. Для начала следует выбрать кандидатуру среди местных вождей. Кто-нибудь в курсе о состоянии нынешних племен и авторитетов? Или с окончанием научной работы закончились и все контакты с ними?

Собравшиеся разом зашумели.

– Херберт, ответьте вы! – потребовала Дженни. – Вы здесь ученый, вы ведете работу?

Херберт слегка растерялся.

– Работа, конечно, идет, – сообщил он, откашлявшись. – Но она... в общем, автоматизирована, без участия человека. Аэросъемка снимает кочевья сверху, микрожучки ползают и собирают информацию, все это пишется в базы данных, можно запросить у системы любой анализ. Вы хотите, чтоб я это сделал прямо сейчас?

– Да.

– Хорошо, я пошел за своим планшетом... – Херберт поднялся и вышел.

Полковник кашлянул.

– Вы не понимаете, Дженни, – заметил он. – У рецидов нет понятия благодарности, не говоря уже о верности. Когда им даешь подарки, они требуют больше, пока не впадут в агрессию.

– Полковник, не учите меня работать, – отмахнулась Дженни. – Читайте учебник ксено-технологии, там все схемы расписаны по пунктам.

– Господин полковник прав, – неожиданно поддержал Мигулис. – Благодарности у них нет, они предадут как только смогут. Главное для них – свой собственный род, он у них в генетической памяти.

– И вы, Мигулис, тоже не учите меня работать.

– Кроме того, вожди постоянно жрут друг друга и меняются! – неожиданно произнес Лях. Дженни обернулась:

– Одна из первых задач – сделать так, чтобы на примитивной территории вождь был один и никогда не менялся. Так мы получим безопасность региона.

Вернулся Херберт, на ходу копаясь в планшете. Он вывел карту на экран: два полушария, размеченные цветными областями и флажками. Заштрихованные пятна солончаков, синие точки водных источников, красные флажки, обозначающие стоянки племен, и колыхающиеся огоньки в тех местах, где идут стычки.

– Самый крупный род – Хох, – заговорил Херберт, указывая пальцем, – он контролирует треть планеты, разбит на тысячи подкланов, которые постоянно грызут друг друга. Род Гтох числом поменьше, их много в наших краях, на юге. Есть род Лкох...

– Шкох, – поправил Мигулис. – Я переслушал много записей.

– Да будь они все прокляты, – отмахнулся Херберт. – В общем, тоже большой. Остальные меньше, до тысячи воинов. Вот я вывел диаграмму столбиками.

Дженни кивнула:

– Кто более дружелюбный к нам?

– Никто, – ответили разом все присутствующие, и от такой неожиданности переглянулись.

– С кем было меньше конфликтов?

Все молчали, Херберт пожал плечами.

– Хорошо, – продолжила Дженни, – есть информация по вождям крупных родов?

Херберт снова уткнулся в планшет, набрал несколько запросов, и на экране появилась разноцветная схема и несколько треугольных рыл, напоминавших раскрывшиеся еловые шишки.

– Почему такие фотографии плохие? – спросила Дженни.

– У микрожучков объективы быстро забиваются песком, переговоры и перемещения пишутся лучше. Да зачем вам их фотографии, они же одинаковые как тарелка с креветками...

– Херберт! – прикрикнула Дженни.

– Нет, ну правда, вы же их не различите! Я только могу сказать, что вождь Хох стар, его скоро съедят. Они живут в среднем до десяти земных лет, а ему уже одиннадцатый пошел.

– Так мало? – удивилась Дженни.

– Зато взрослеют всего за год.

– Мне казалось, они должны жить до ста как панцероиды Большого Шелла, они же так похожи.

– Вы, главное, не ляпните такого на Большом Шелле, – усмехнулся Херберт. – Они люто ненавидят рецидов с тех пор, как мы их открыли. Для них это как древнему мусульманину показать обезьяну и объяснить, что человеческий род точно произошел от нее... – Херберт снова покачал головой. – Нет, это разные виды.

– Но есть гипотеза ковчега! – с жаром возразил Мигулис.

Херберт даже подпрыгнул:

– Бред! У Шелла никогда не было космических технологий, ни до катастрофы, ни после! Вы бы еще вспомнили гипотезу расколовшейся планеты! И гипотезу божественной эвакуации! И магической телепортации!

– Телепортация бред, – согласился Мигулис. – А раскол планеты, скажем, от метеорита, по-моему вполне научная...

– Чушь! – взвился Херберт. – Вам же Петерсон, профессиональный планетолог, столько раз объяснял, а вы опять! Шелл – планета земного типа! Спутник Ич-Шелл – тяжелый планетоид из свинца и тория! Как они могут оказаться обломками одного тела?! Только полный кретин...

– Стоп и тишина! – перебила Дженни. – Вождь второго племени моложе?

Херберт пришел в себя и глянул в планшет.

– Вождь у Гтох совсем молодой, ему два года. Единолуп.

– Очень хорошо, – подытожила Дженни. – С ним и будем работать, это будет наш Сансан.

– Простите? – переспросил Мигулис.

– Общий термин для вождя примитивного общества, – объяснила Дженни. – Происходит от «сын солнца». У любых культур ниже третьего уровня верховный вождь всегда объявляет себя второй персоной мироздания: Сыном Светила, Посланником Неба или Наместником

Бога. Понятно, почему он персона вторая, а не первая? – Дженни оглядела конференц-зал. – Основной закон первобытного общества – диполь власти и подчинения. Власть без подчинения не укладывается в сознание, как палка с одним концом. Поэтому вождь должен предъявить своим рабам точку собственного подчинения, даже если ее нет. Поза раба – всегда у ног, выше подданных стоит вождь, а точка подчинения вождя, значит, должна быть совсем наверху – гипотетическое продолжение вертикали власти. А наверху что? Небо, светило и божества. Это всеобщий закон. Наша задача – вклиниться в эту вертикаль: для своего народа вождь останется Сыном Света, но будет подчиняться Властелину Света. То есть вам, полковник.

– Что?! – изумился Гаусс. – Я Властелин Света?!

– Можем придумать вам другое имя, например Санта Гаусс. Важно, что вы – комендант, авторитет, вас они знают и боятся, вас надо вклинить в диполь подчинения и замкнуть власть на себя. – Дженни снова повернулась к экрану. – Выведите мне снова карту... – Она нахмурилась и ткнула пальцем. – А поселения вокруг базы, которые вы сожгли, это были сплошь кочевья Гтох?

– Вообще они тут бегают вперемежку, – ответил Херберт. – Опасаетесь, что нас записали в кровные враги? Мы враги у всех племен, потому что другие, и у нас есть, чем поживиться. Наоборот: мы недавно доказали, что мы сильные враги, нас боятся и уважают. Вам их не понять, Дженни...

– Почему же, вполне. Значит, работаем с Гтох. Как вы их обычно вызываете пообщаться, полковник?

– Выезжаем на тракторе и вываливаем кучу тряпок – они любят тряпки и не нападают. Потом можно говорить через бронестекло.

Дженни покачала головой:

– Никакого бронестекла. Мы выйдем из трактора и пойдем пешком. Впереди пойдете вы, полковник, и будете выкрикивать то, что буду диктовать я, Мигулис будет переводить.

Все хором загалдели.

– Это невозможно! – кричал Херберт. – Пешком к ним ходили только фольклористы, и вот чем кончилось!

– Я ссыльный, а не смертник! – возмущался Мигулис. – Мне два года осталось!

– Что станет с базой, когда меня убьют? – говорил полковник.

Дженни подняла руку.

– Стоп и тишина! Я профессионал, автор учебников, и я точно знаю, что делаю. Если вы трусы, я бы обошлась без вас, но мне нельзя: самка в примитивных цивилизациях, где отбор идет через конкуренцию самцов, занимает униженное положение и ее не принято слушать. Поэтому идет полковник, я и переводчик. Сперва отправим маленького робота-парламентера с тряпками и заученными словами о том, что завтра в полдень вождь всех людей Гаусс явится провести переговоры со своим братом... как его зовут?

– Вот только не брат! – возразил Мигулис. – Брат – солуп, конкурент на всю жизнь. Солупов приходится терпеть, чтобы они продолжили род в случае гибели, но не стали причиной этой гибели! Солуп всегда пытается убить перволупа.

– Демагогия, – отмахнулась Дженни. – Схема предписывает использовать термин брата, значит, будем использовать его.

Вдруг послышался голос Августы – оказалось, она незаметно вошла.

– Скажите, Дженни, – спросила Августа, глядя спокойными серыми глазами, – могли они не убить Нэйджела, а взять в брата и растить как своего?

– Конечно, дорогая, именно так они и поступили, – ответила Дженни.

– Тогда я пойду с вами. Вдруг они расскажут про Нэйджела?

– Не завтра. В следующий раз, обещаю.

Тулф и свита пришли на место за несколько часов – было их сотни полторы. Первым делом они вырыли в песке множество ям, и половина родни спряталась там с топориками, прикрывшись раскидистыми ветками сиреневой мочалки. Дженни хладнокровно наблюдала изображения с камер, казалось, именно этого она и ждала. Решив, что пора, она сделала знак, первой надела кислородную маску, и все трое вышли из трактора. Дженни вдруг заметила, что на корме размашистой черной краской намалевано: «Cucarachas muerte!»

– Это, – указала она пальцем, – стереть сегодня же.

– Зачем? – удивился Гаусс. – Они же не умеют читать.

– Это нужно не для них, а для нас. Мы люди. И должны оставаться людьми в любой обстановке. Сегодня же стереть.

– Если у нас еще будет это сегодня... – пробурчал Мигулис.

Они шли по ярко-лимонному песку. Было жарко, кондиционеры скафандров едва справлялись – местная звезда Ассанта висела над головами гигантским оранжевым шаром и палила нещадно. Тени были короткими. Вокруг, сколько хватало глаз, простиралась каменистая пустошь такого же лимонного цвета. Пустыня выглядела безжизненной, лишь местами блестело что-то вроде канав, усыпанных желтыми кристаллами, а по краям такой канавы обычно кудрявились здоровенные дырчатые лепестки капусты сиреневого цвета – единственная флора этой планеты: капуста, она же мочалка. Желтая пустыня продолжалась до горизонта, который казался совсем рядом, и где-то там поблескивали поля солнечных батарей.

Дженни решила, что молчание затянулось.

– В любой культуре есть традиция переговоров без оружия, – сообщила она. – Не может не быть.

– Есть и у рецидов, – охотно подтвердил Мигулис. – Одно из самых известных стихотворений поэта Архо: «Я без копыя – Ты без копыя – Нынче друзья». Это все, у них короткие стихи. Перевод мой, – не без гордости сообщил Мигулис. – Рифму я добавил от себя, они не знают рифмы. Там главное в поэзии – количество слогов выдоха, каждый сопровождается ударом клешней по панцирю...

– А вы же говорили, что слова «друзья» нет? – перебила Дженни.

Мигулис смутился.

– Если переводить совсем дословно, это будет э-э-э... «ур лаз топ о-цы, гер лаз топ о-цы, вех ка-боб аг-чуг» – «я вышел из норы без копыя, ты вышел из норы без копыя, это в честь праздника – погиб враг, против которого мы были в заговоре».

– И сразу другой смысл, – заметил полковник Гаусс.

– Хорошая идея начать с этого стиха, – подытожила Дженни. – Гаусс произнесет любую фразу, Мигулис переведет как стих.

– Только господину полковнику надо колотить ладонью по груди, – уточнил Мигулис. – Чтобы они поняли, что это он читает. Если Тулф ответит – значит, разговор пошел на равных. А если нападет...

– Если нападет, – уточнил полковник, – вы, Дженни, даже отреагировать не успеете: у них от природы мышцы другого типа. Они стальной трос перекусывают и разгоняются до двухсот километров по песку. Человеку с ними не справиться – у гадов скорость как у пули, только роботы успевают реагировать. И я хочу заметить, что сейчас они окопались для атаки.

– Прекратите истерику, полковник, – холодно осадил его Дженни. – Делайте то, что говорит эксперт. Мы навязываем незнакомую им схему поведения, угрозы они не видят, включится любопытство.

– А если нет? – спросил Гаусс.

– Доверьтесь опыту, – повторила Дженни. – Вы двадцать лет отстреливались с базы, а я пятнадцать лет работаю с негуманоидами.

Под ногами хрустел липкий желтый песок, сверху палила безжалостная Ассанта, а вдали над самым горизонтом висел далекий тусклый диск Большого Шелла. Впереди стояли рециды в низкой стойке. Наконечники копий тускло поблескивали.

– Стоп, тишина, – негромко скомандовала Дженни и остановилась. – Держим паузу. Мигулис, ставим коробку на песок и раскладываем подарки перед собой. Медленно!

Мигулис принялся выкладывать стеклянные плитки, бусы из металлокерамики и фонарики. А Дженни рассматривала своего будущего Сансана. Вождь Тулф был самый рослый.

Усики, которыми поросла треугольная морда, были совсем еще розовые – только начали темнеть с концов. Дженни читала, что это говорит о юном возрасте – год-два. Стоял вождь на трех крепких ходовых ногах, вывернув их немного косолапо, – в этой неряшливой позе чувствовалась раскованность и некое презрение к миру. Три могучие клешни верхнего пояса то неподвижно свисали вдоль туловища, то начинали почесывать туловище между хитиновыми пластинами. Тело вождя было как у всех опоясано плетеной сбруей из кишок и веток, только оружия на нем висело больше – маленьких метательных колец был целый пучок, а по бокам виднелась пара местных топориков-хлыстов: острый камень, приделанный к гибкой плетеной рукоятке. В том месте, где головогрудь переходила в брюхо и служила чем-то вроде шеи, висело богатое ожерелье из нанизанных глаз – даже странно, как в таком юном возрасте успел съесть столько врагов. Помимо ожерелья на шее вождя красовались еще две плетеные ленты: на одной висел пластиковый фонарик из тех, что дарили им когда-то пачками. На другой красовался крупный плетеный шар – то ли фляга с водой, то ли своего рода медаль, символизирующая власть. Морда вождя не выражала ничего – такая же, как у всех здесь хитиновая треугольная пирамидка, обращенная острием вперед, с усиками, выбивающимися из-под нахлестов чешуйчатых пластин, с тремя глазами и пучком жвал на конце. Он был похож одновременно на земного броненосца и на кузнечика под сильным увеличением, если бы не три глаза, по одному на каждую грань морды. Дженни прежде никогда не работала с трисимметричными организмами, и на Большом Шелле ей тоже бывать не доводилось – вблизи они, конечно, выглядели жутко.

Ящик с подарками опустел, все дары были разложены на песке. Но рециды не спешили бросаться на драгоценности, хотя пучили глаза и нетерпеливо переминались.

Полковник хлопнул ладонью по груди и громко выкрикнул:

– Ахо!

Ответом была гробовая тишина – на приветствие никто не ответил.

– Продолжаем по плану, – спокойно произнесла Дженни. – Гаусс, декламируйте что-нибудь и колотите по груди...

Полковник на миг замешкался и забасил:

– Протокол выхода на поверхность базы... Провести визуальный осмотр через наружные камеры... Вывести трех охранных роботов в шлюз... Первый под прицелом двух других производит осмотр прилегающей территории, обращая особое внимание на неровности песка...

– Ур! Лаз! Топ! О! Цы! – выкрикивал в паузах Мигулис, тоже хлопая себя ладонью по груди. – ...Вех! Ка-боб! Аг-чун!

– Смотреть им в глаза! – яростным шепотом приказала Дженни.

Шеренга рецидов замерла в пяти метрах. Вокруг – справа, слева, за спиной – сидели в своих ямах воины и тоже ждали.

– Ахо... – вдруг негромко выдохнул вождь и снова лениво почесался.

И сразу со всех сторон послышалось:

– Ахо!!! Ахо!!! Ахо!!!

Рециды переворачивали копы, втыкая их остриями в песок.

Тулф бочком пробежал вперед, очутился перед полковником и ухватил клешней связку бус. От него удушливо несло тухлым мясом.

– Вот только так, – назидательно прошипела за спиной полковника Дженни Маль. – Сила разума, красота поэзии и точное соблюдение технологии!

Дальше переговоры шли хорошо. Дженни тихо говорила за спиной полковника, тот громко повторял, Мигулис переводил.

Тулф сперва не понимал, что от него хотят, но Дженни была терпелива и заставляла повторять одно и то же всякий раз другими словами. Наконец Тулф прекратил шевелиться и задумался – думал он явно медленней, чем двигался и жестикулировал. Его усики по всей морде подрагивали.

– Хох – чуг, – заявил он наконец.

– Чуг, – подтвердил полковник.

– Хох – чуг, Шкох – чуг, Ррох – чуг, Кжчих – чуг... – перечислял вождь. – Алоэ – чуг!

– Алоэ – означает весь, все, любое, – шепотом пояснил Мигулис.

– Чуг! – подтвердил полковник. – Алоэ – чуг, Гтох и полковник Гаусс – аг-чуг. Тулф – Сансан!

– Санс-с-сан, – с трудом повторил вождь, пробуя незнакомое слово, смысл которого ему так долго объясняли.

– Алоэ санс-с-сан! – воскликнул он, обвел клешнями бескрайнюю равнину, а затем ударил себя в грудь. – Санс-сан!!! – Он указал клешней на полковника: – Плк Гсс аг-чуг!

– Аг-чуг, – терпеливо повторил полковник Гаусс.

– Ич! – выкрикнул вождь и положил клешню на плечо полковника.

– «Ич» – означает рядом, близко, плечом к плечу, – шепотом пояснил Мигулис.

– Положите тоже руку ему на плечо! – скомандовала Дженни, и полковник подчинился. Вождь снова заговорил.

– Он говорит, что враги сильны, – объяснил Мигулис. – Просит огненный хлыст. Огнемет.

– Полковник Гаусс даст Сансану огнемет, – подсказала Дженни.

– Нет, – обернулся полковник.

– Полковник Гаусс даст Сансану огнемет! – с нажимом повторила Дженни.

Брови полковника полезли вверх.

– Инструкция ЦУБа запрещает давать дикарям оружие! – рявкнул он.

– ЦУБ здесь я, – напомнила Дженни и вынула жетон, он ярко сверкнул на солнце.

Вождь внимательно смотрел на жетон. Его усики восхищенно подрагивали.

– Пока я здесь, огнеметов у тварей не будет! – твердо сказал полковник. – Высылайте меня под трибунал, а потом делайте что хотите!

– Стоп и тишина! – прикрикнула Дженни.

Вождь вдруг оказался прямо перед ней и угрожающе поднял все три клешни. Мигулис изо всех сил залопотал что-то на местном языке.

– Аг-чуг! – произнес полковник с отчаянием и указал пальцем на Дженни. – Аг-чуг! Аг-чуг!

Дженни медленно-медленно сняла с шеи жетон и передала его полковнику. Тот недоуменно посмотрел на него и надел себе на шею.

Вождь мгновенно успокоился и вернулся на свое место перед полковником.

– Что это было? – тихо спросил полковник.

– Все хорошо, – шепнула Дженни. – Вы друзья, он защищает вас от меня. Вы перволуп, а солуп, а перелупом он мне стать не позволит. Диполь власти установлен правильно и работает как надо. Выполняйте, что я сказала!

– Полковник Гаусс даст Сансану огнемет... – пробасил Гаусс хмуро, и Мигулис начал переводить.

Когда он закончил, вождь издал вопль и вдруг пустился в пляс. Он крутился волчком, поднимая клубы песка и описывая круги как смерч, он приседал и размахивал клешнями. Вслед за ним пустились в пляс его воины. Из окопов повыскакивали спрятавшиеся и тоже начали кружиться.

– Что вы стоите, полковник? – прошипела Дженни. – Пляшите! А мы за вами.

– Как? – растерялся полковник.

Вместо ответа Дженни подняла руки и начала пританцовывать на песке. Мигулис тоже начал дергаться. Полковник разочарованно развел руки в стороны, чуть присел, едва-едва согнув колени, поднял руки вверх и снова неловко присел. Он топтался на месте, делал наклоны и приседания, вытягивая вперед руки, как привык делать утреннюю гимнастику. На рецидов это произвело неизгладимое впечатление – они прекратили вопить, остановились, а затем принялись повторять его позы.

Сверху, с аэрокамер, полковник смотрелся школьным учителем, который вывел на зарядку свой класс. По крайней мере, так Херберт сказал Ляху, с хохотом указав на экран.

В столовой Мигулис взял коробку еды и подошел к столику, куда только что села Дженни.

– Разрешите составить компанию? – спросил Мигулис.

– Конечно, – кивнула Дженни.

Мигулис поддел край фольги, из коробки повалил пар и аппетитно запахло зеленым горошком.

– Все-таки считаю, что мне повезло, – сказал он. – Ссылным здесь позволяют жить и питаться вместе с гарнизоном, дают интересную работу.

– За что вы осуждены, можно полюбопытствовать? – спросила Дженни.

– Журналист – одна из самых опасных профессий, – усмехнулся Мигулис. – Вторая после политики.

– И все же? – полюбопытствовала Дженни.

– Ничего достойного вашего внимания, – отмахнулся Мигулис, – авторские права. Я вам хочу сказать другое: я не верил, что ваши схемы работают, но беру свои слова обратно.

Дженни улыбнулась, показав ровные белые зубы с застрявшими кое-где частицами горошка:

– Это закон Вселенной, Йозеф. Если существа обрели разум, они социальны и живут в обществе себе подобных. А значит, у них есть система социальных договоров и традиций: месть, дружба, союзничество, благодарность, власть, подарок, доверие. В этом поле мы и работаем. Если общество отстает от нас на много веков, мы используем свое превосходство не чтобы провоцировать вооруженные конфликты и показывать силу оружия, а чтобы наладить партнерские отношения так, как это выгодно нам. Миссия высшей цивилизации – навязать свои правила игры, а не принять местные...

Внезапно в столовую вошел Лях и принялся озиаться. Заметив Дженни, подбежал к столику.

– Да как вы себе это представляете?! – вскричал он возмущенно.

– Что случилось?

– Полковник сказал, вы требуете, чтобы я подготовил огнеметы для передачи рецидам?!

– Да.

– Это оружие! – кричал Лях. – Там интеллектуальная система! Она подчиняется только человеку или роботу, выполняющему четыре закона роботехники! Огнемет невозможно дать рециду, он заблокирован от применения чужими! У нас нет прав снять блокировку!

– А, вот вы о чем, – кивнула Дженни. Она сняла с шеи жетон и протянула Ляху. – У нас есть любые права. Приложите, снимите блокировку и верните мне.

Лях ушел, потрясенно сжимая жетон.

– Мне кажется, Лях не хочет давать рецидам огнеметы, – заметил Мигулис. – И никто не хочет.

Дженни пожала плечами:

– Это необходимая часть плана. Как Сансан установит контроль над территорией, если не запугает соседей?

Мигулис снова вздохнул.

– Возьму себе еще котлету, – сказал он. – Вам принести?

– Спасибо, я сыта.

Мигулис вернулся за столик и некоторое время смаковал белковую котлету.

– Дженни, вы, конечно, большой профессионал, – продолжил он тактично, – но все-таки рециды особая раса. И я боюсь... Мы все боимся, что... Ваши схемы – они для тех рас, которые... – он с трудом подбирал слова: – ...больше демонстрируют свою разумность. Рециды – другие. Вот вы сказали – запугать соседей... Рецидов нельзя запугать! Вы не видели, как они бросаются с голыми клешнями на трактор под огнеметы. У них нет страха, они не ценят жизнь – ни свою, ни чужую. Потому что не верят в смерть.

– Так не бывает, – возразила Дженни.

– Здесь так. У них память предков. Они помнят, что было до их рождения, понимаете? Поэтому уверены, что жизнь циклична, и после смерти будет перерождение. Каждый из них считает себя не личностью, а бесконечным родом.

Дженни вскинула брови.

– А их не смущает параллельное существование живых родителей? Или братьев с той же памятью? А тот факт, что их воспоминания о жизни предков только до зачатия?

Мигулис пожал плечами.

– Такие мелочи никогда не смущали даже существ и без генетической памяти. Но если у тебя память предков длиной в несколько поколений, то вера в перерождение души непоколебима. Бессмертие и служение своему роду – это главное в их психологии. У поэта Архо было так: «Как смерть найти такую, чтоб забыть, кем был, кем есть, кем после буду быть?» Перевод мой.

– Этот Архо уважаем среди рецидов? Мы можем с ним встретиться?

Мигулис покачал головой:

– Его давно казнили.

– Как? – удивилась Дженни.

– Как казнили? Пробили в панцире дыры и засыпали внутрь соль. Одна из самых долгих и мучительных казней. Рециды большие мастера по части пыток.

– А за что его казнили? – удивилась Дженни.

– Поэт – опасная профессия, – пожал плечами Мигулис. – Вторая после журналиста. Зато он теперь национальный классик, если отозваться о нем пренебрежительно – убивают.

Дженни встала.

– Спасибо за приятную беседу, Мигулис. У меня к вам просьба: придумайте несколько лаконичных надписей на языке рецидов: «Непобедимый полководец», «Главный друг людей» и «Великий ученый». Будем поощрять нашего Сансана медальками.

– У них же нет письменности, – удивился Мигулис.

– Ох, я и забыла...

– А если сделать говорящий брелок? – воодушевился Мигулис.

– Нет, это не работает – не будешь же каждому встречному включать. Отстающие расы покупаются только на медальки.

В столовую вбежала Августа и устремилась сразу к Дженни.

– Ну что? – спросила она тревожно. – Есть новости про Нэйджела? Они что-то рассказали? Ведь он жив, жив?

– Я тоже так думаю, дорогая, – ответила Дженни. – Мы обязательно все узнаем.

Полковник сидел в своем кабинете с планшетом и мрачно переключал видеотрансляции.

– Вы опять в моем кресле, – заметила Дженни, входя. – Нет-нет, сидите, я просто напоминаю.

– Садитесь, – хмуро произнес Гаусс, вылезая из-за стола. – Знаете, Дженни, я каждый день смотрю, что там происходит, и не могу понять...

– А что там непонятного? – Дженни заглянула в его планшет. – У тех, кто не пожелал сдаться Сыну Светила, Единственному Вождю всех мировых пустынь и доблестному аг-чугу Великого Небесного Вождя из крепости двуногих колдунов, неприятности. В остальном все идет хорошо.

– Мэм, – возразил полковник, – я провел поисковый рейд по ближайшим поселкам, и вы грозите мне трибуналом. А вы организовали карательную акцию с огнеметами на весь планетойд: горы трупов, толпы пленных рабов, сожженные кладки, угнанные самки, уничтоженные личинки... Как это понимать? Я имею в виду – как вы все это оформляете, так сказать, по официальным бумагам? Надеетесь, что не попадете в новости? Нет шумихи – нет геноцида?

Дженни спокойно выдержала его взгляд.

– Вы не понимаете разницы?

– Не понимаю. Буду благодарен за объяснение, – сухо сказал Гаусс.

Дженни Маль кивнула.

– Хорошо, объясню. Вы, полковник, развязали межрасовый конфликт. Высокоразвитая раса против отстающей. Позвоночные против панцирных. Это, кстати, нам еще будут долго вспоминать во всем мире. А я оказываю помощь дружественному народу по просьбе его законного вождя – в его борьбе с бандформированиями и сепаратистами. Вашей целью был террор – наказать, запугать. Моя цель – помочь законному вождю вернуть законность и установить мир во всем своем мире. Вы занимались геноцидом – уничтожали разумных существ по расовому признаку. Я помогаю местному Сансану навести, выражаясь юридически, конституционный порядок. Торговля слабым оружием не запрещена. Применяем его не мы. Если кто-то погиб, то от своих соотечественников и лишь по той причине, что не желал подчиниться местным законам. Продолжать?

– Вас понял, вопросов не имею, – зло ответил Гаусс.

– Спасибо, – в тон ему ответила Дженни. – И отныне, полковник, постарайтесь освободить кабинет и не мешать мне работать.

– Запомним этот день, госпожа Маль, – сухо произнес полковник. – Отныне я не скажу вам ни одного слова. Все, что я считал важным, я давно сказал, и не вижу толку говорить с вами дальше. Вы инспектор ЦУБа, и я обязан подчиняться вашим приказам. Но заставить меня заговорить с вами не сможете даже вы.

– Очень хорошо, – кивнула Дженни. – Это облегчит жизнь всем нам.

– Я поговорю с ней, – произнес стоящий в дверях Херберт. – Вы так громко спорили, что я заглянул. У меня вопрос простой: о мире во всем мире. Кого они станут убивать, когда Сансан покорит все мировые пустыни?

– В каком смысле? – Дженни изогнула бровь.

– Кого они, по-вашему, будут убивать, когда все племена подчинятся Сансану, прекратятся стычки и наступит мир? Они же не вегетарианцы, госпожа Дженни, они каннибалы!

– Будем образовывать, насаждать мораль и культуру – это следующие этапы.

– Вы не поняли, Дженни. Скоростная мышца не формируется без пожирания белков, которых нет в местной капусте. Вы знаете, что такое скоростная мышца? У людей два вида мышц: гладкая мускулатура для внутренних дел, а еще скелетная, поперечно-полосатая – та поздняя находка эволюции, которая отличает нас от улитки по силе и скорости. А этим тварям

природа подарила еще третий тип – скоростная сверхсильная мускулатура, сила воина, как они ее называют. Мы по сравнению с ними – слабые медленные улитки. Но формируется у них мышечный белок при поедании животного белка. А кроме капусты им жрать в пустыне нечего. Поэтому капустой питаются лишь самки и пленники, у них атрофируются скоростные мышцы. А воинам надо постоянно жрать чужое мясо, и чем больше ты убиваешь и съедаешь врагов, тем становишься сильнее. Начинают они убивать себе подобных до вылупления и продолжают, пока не одряхлеют, когда их самих сжирают более молодые. На этом строится вся их культура и мораль!

– Я в курсе и не вижу здесь ничего сложного, – отрезала Дженни. – Мы взяли с Сансана клятву прекратить пытки – это первый шаг в сторону правового общества. Затем будем искоренять каннибализм.

– Но как?!

– Это вы мне должны ответить, Херберт, вы биолог. Будем искать пищевые заменители, привезем белковые синтезаторы. Я не обещала вам поднять цивилизацию с низшего четвертого уровня до первого за одну неделю! Это большая работа, большие проблемы.

Херберт с досадой махнул рукой.

– Вы недооцениваете проблемы, Дженни. Я не знаю, что у вас там в ЦУБе за шкала, но если самый низший уровень, что вы встречали, назван четвертым, то здесь вы столкнулись с пятым, а то и шестым! Это полное дно! С ними все перепробовали за двадцать лет: они станут наглотаться больше и больше, пока не выйдут из-под контроля. Уничтожил пару племен – ты сильный, к тебе уважение. Ходишь на переговоры, даришь подарки – значит, трус, проситель, заискиваешь. Это негуманоидная мораль!

– Как раз типичная гуманоидная мораль, – отрезала Дженни. – Читайте учебник.

– Вы доведете нас до катастрофы!

Дженни смерила его взглядом.

– Катастрофа, Херберт, – ваша диссертация об интеллектуальном превосходстве позвоночных рас над панцирными!

Это сработало: Херберт потух, глянул на полковника, развел руками и вышел.

– Может, и вы считаете, что позвоночные превосходят панцирных, а, полковник? – осведомилась Дженни.

Полковник всем видом показывал, что ее здесь нет: он собирал в коробку свои вещи, выдвигая ящики старинного стола.

Встреча была назначена в том же месте, но на этот раз к парламентарам присоединились Херберт и Августа. У Дженни были сомнения насчет Августы, но обещание есть обещание. К тому же технологии требовали, чтобы группа контакта с каждым разом увеличивалась – это демонстрирует вовлечение.

Ехали молча. Полковник с тех пор действительно больше не говорил с Дженни. Херберт и Мигулис глядели в иллюминаторы. Августа сидела на заднем сиденье – такая же, как каждый день: заторможенная, с безучастным лицом, устремив остановившийся взгляд в точку на своих ботинках. Дженни надеялась, что вылазка подарит Августе новые эмоции, но та по-прежнему выглядела отрешенно.

– Августа, сегодня мы обязательно спросим у вождя о судьбе Нэйджела, – не выдержала Дженни.

Августа, казалось, не слышала, и Дженни повторила.

– Не надо спрашивать, – тихо ответила Августа. – Нэйджел жив, я это чувствую. Когда его найдут, они первыми нам скажут.

Дженни пожала плечами и умолкла. Но Августа вдруг подняла голову.

– Спасибо вам, Дженни, за то, что делаете с планетой, – сказала она. – Теперь Нэйджелу ничего не угрожает. Его уже не убьют. Его как найдут, сразу вернут нам.

Дженни на всякий случай кивнула. Но Августа продолжала:

– Возможно, Нэйджел спрятался в коконе. Я просмотрела каждую запись видеожучков, где воины Сансана вспарывают коконы. Они всегда смотрят внутрь прежде, чем включить огнемет и уничтожить личинки. Нэйджела не было ни в одном.

Полковник заерзал на сиденье. Херберт шумно вздохнул. Не выдержал Мигулис:

– Августа, милая, неужели вы смотрите эти зверства?! Зрелище даже не для здорового человека!

– Да, – спокойно ответила Августа. – Это невыносимо. Но я должна что-то делать. Я не могу улететь с этой планеты, пока Нэйджел не найдется. Я ищу Нэйджела как только могу. Смотрю записи. Поднимаюсь ночами в пустыню, зову его, оставляю ему рисунки на песке...

– Давайте сменим тему, – нервно предложила Дженни. – Я не знала, что они убивают личинки врагов. Мы должны взять с Сансана клятву, что это прекратится!

– Дженни-Дженни... – вздохнул Мигулис. – Ну как они могут оставлять в живых личинки врагов? Самок врагов, если их не успеет убить своя же родня, угоняют в рабство, чтобы те рожали им новые кладки. Но личинок убивают всегда – ведь у них генетическая память рода...

– И что?

– Личинка вырастет и всегда будет помнить, кто она, и кто убил ее род. И она отомстит. Есть целый ритуал «ужун»: в кокон врага тайком подкидывают сильных личинок. Те вылупляются, внедряются в племя, притворяясь родными, и начинают мстить: перегрызают врагов по одному. Или выходят на контакт со своими, приводят их тайком и помогают уничтожить племя врагов. Поэтому коконы охраняют от подкидышей, а вылупившимся устраивают обряд допроса – экзамен по истории рода. Но ужун – изощренный ритуал, иногда все-таки удается обмануть...

– Стоп и тишина! – перебила Дженни. – Приехали.

Они выгрузились из трактора и пошли вперед. Мигулис и Херберт несли две коробки с дарами. Полковник шел молча и хмуро. За полковником шла Дженни, а замыкала шествие Августа.

– Ахо! – выкрикнул полковник.

– Ахо! – откликнулся Сансан и щелкнул клешнями.

– Ахо! – вразнобой завопили рециды и бросились потрошить ящики с подарками.

Скоро все было разобрано. Тогда Сансан ударил себя клешней по головогрудь и заговорил. На его шее теперь висело столько новых ожерелий с вырванными глазами, что фонарик и фляга почти утонули под ними.

– Он говорит, что ему нужно больше подарков, – перевел Мигулис и, не выдержав, добавил: – Господи, как же от него воняет даже через кислородную маску!

– Мы пришли поздравить Сансана с победой над всеми кланами и племенами... – шепотом начала Дженни, полковник монотонно повторял за ней, а Мигулис переводил, – Сансан стал самым великим вождем, другом нашего Гаусса, Хозяина Неба. Он объединил племена, остановил войны и принес планете мир. Сансан получает великую медаль – это медаль Мира. В нашем племени такую награду носят самые выдающиеся вожди, которые принесли мир народам. Это подарок. Это почетно. Это носят на шее. Все уважают. Воевать с такой медалью больше нельзя. Убивать нельзя.

Когда Мигулис закончил перевод, Дженни дала команду и полковник вынул заранее приготовленный сувенир на атласной ленте – здоровенный золотой диск с профилем Альфреда Нобеля, который Лях накануне распечатал в мастерской на 3D-принтере, скачав где-то модельку и увеличив раза в три. Он брезгливо повесил бляху на шею вождю.

– Ахо! – заорал Сансан и пустился в восторженный пляс, а за ним бросились плясать его воины.

Они крутились, щелкали, оглушительно стрекотали, взбивали кучи песка, а время от времени наклонялись, хватали пригоршни песка клешнями и обсыпали друг дружку. Дженни приказала полковнику танцевать. Тот воздел вверх руки и пару раз для вида подвигал тазом – без малейшего, впрочем, энтузиазма.

Поплясав, Сансан покопался клешнями у себя на груди, вытянул из глубины свою плетеную круглую фляжку и надел на шею полковнику. Дженни могла только представить, какое у того сейчас было лицо под кислородной маской. Но полковник не растерялся – он громко крикнул «Ахо!» и сделал пару наклонов и приседаний с вытянутыми руками. Шар болтался у него на шее и колотил по бокам.

– Мы хотим укреплять дружбу наших народов, – продолжала Дженни. – В знак мира мы приглашаем Сансана посетить завтра наш дом. Посмотреть, как живем мы. Убедиться, что мы не хотим войны. Ну и получить новые подарки.

Мигулис переводил долго, подбирая все новые и новые слова, – видно, идея была слишком неожиданной.

Сансан несколько раз уточнил, покажут ли ему нору людей. Затем спросил, покажут ему только нору или всю планету людей, где живут победители, носящие такие же медали, – видно, эта идея захватила его воображение. Потом он простосердечно уточнил, не собираются ли его там схватить и облить огнем. Дженни заверила, что так с друзьями никогда не поступают. Наконец Сансан предупредил, что придет с лучшими своими воинами и при них будет много оружия.

Дженни охотно согласилась, но полковник отказался повторить ее слова – он просто молчал. Дженни потребовала. Полковник не реагировал.

– Полковник считает, Дженни, что вооруженные огнеметами тараканы попадут на базу только через его труп, – сообщил Мигулис и попытался пошутить: – Оказалось, теперь я умею переводить даже молчание!

Дженни потребовала, чтобы Мигулис перевел ее слова. И тот, скрипя, повторил приглашение.

Сансан просиял, и снова повторился разудалый обстоятельный танец.

На этом встреча закончилась.

Первое, что сделал полковник, когда вошел в трактор, – сорвал с шеи вонючий плетеный шар и зашвырнул под заднее сиденье. Люки не закрывали всю дорогу, чтобы выветрилась вонь. Все молчали, чувствуя себя измотанными.

И только когда на горизонте уже показалась неопрятная россыпь гаражей, занесенная песком и окруженная вышками, периметры колючей проволоки и возвышающаяся надо всем этим мачта с развевающимся флагом, послышался тихий-тихий всхлип. Дженни обернулась – и похолодела. Вслед за ней обернулись остальные.

Августа мелко дрожала на заднем сиденье и смотрела перед собой. Только уже не в пол, а на ладони. В ладонях она бережно сжимала плетеный шар, обмотку которого уже наполовину расплела на прутики. И теперь стало видно, вокруг чего намотаны эти плетеные кружева из побегов местной капусты – это был отполированный до блеска маленький детский череп...

Дженни резко остановила трактор. Шар выпал из ладоней Августы и укатился под сиденье. Августа обвела всех невидящими глазами, медленно распахнула дверь, спрыгнула на песок и неровными шагами заковыляла к базе, выставив перед собой ладони, словно слепая.

– Только не трогайте ее, – тихо сказал полковник, ни к кому конкретно не обращаясь.

Бросив трактор, все двинулись следом на почтительном расстоянии.

Августа шла к базе медленно, оставляя на песке длинные волочащиеся следы. Вскоре сбоку появились занесенная песком платформа от старого сломанного вездехода, затем испо-

линская катушка от кабеля, тоже брошенная здесь в незапамятные времена, здоровенный моток колючки и пышные заросли капусты у самого входа на базу – единственная декорация, не являвшаяся человеческим мусором. Августа остановилась и повернулась к зарослям.

– Стоп и тишина! – произнесла Дженни, и все остановились. – Что она делает?

Но Августа ничего не делала – она просто стояла и смотрела.

Когда остальные приблизились, стало видно, что перед зарослями у входа на базу сидит небольшой рецид, самка. Перед ней на песке лежал сверток капустных листьев, и Дженни подумала, что она что-то принесла на обмен, и это – первый проблеск зарождающейся торговли.

Самка с трудом распахнула жвалы и заскрежетала – теперь стало заметно, что бок у нее распорот и оттуда вытекает густая неопрятная слизь.

– Что она говорит? – спросила Августа.

– Говорит, что умирает и ее род убили, просит взять личинку, – машинально перевел Мигулис.

– Ужун, – тихо произнес Херберт, но самка слышала это слово и сразу умолкла.

Полковник крепко, по-отечески обнял Августа за плечи.

– Нам надо идти, дорогая, – сказал он.

– Я ненавижу эту планету, – ответила Августа самке и зашагала к входному шлюзу. И только когда пылесосы закончили свою работу, а двери к лифтовой шахте распахнулись, она произнесла отрешенно, ни к кому не обращаясь: – То был другой череп. Я знаю, Нэйджел жив.

Сансан пришел с утра пораньше. С ним прибыло два десятка воинов с огнеметами. Полковник, видимо, сдался – он без интонаций повторял все, что просила Дженни. Гостей пустили внутрь и провели по базе – показали оранжерею, ремонтные ангары, тренажерный зал... Труднее всего оказалось объяснить, что такое спорт. «Здесь люди получают радость победы без боя» – в итоге такая формулировка гостям понравилась.

Показали мастерскую, где Лях прямо на глазах у изумленного вождя распечатал из золота большую копию Звезды героя. Звезду повесили на алую ленту и надели млеющему Сансану на шею.

В столовую гостей не водили – запретила Августа, сказав, что она, как врач, категорически не допустит такого нарушения санитарных норм. Она же настояла, чтобы гости оставили свои вонючие украшения за порогом перед пылесосами и сама же придумала формулировку, которая не встретила возражений: глаза врагов приносить нельзя – плоть врага оскорбляет жилище.

Гости почти не пахли – по крайней мере, вентиляция, включенная на всю мощь, справлялась.

Августа всем на удивление полностью отошла от шока и держалась молодцом, взяв на себя множество санитарных забот. Но с гостями встречаться наотрез отказалась – заперлась у себя и не выходила, пока новые друзья не покинули базу.

Дженни заставила полковника произнести много банальных речей о дружбе, культуре и мире.

В конференц-зале Дженни, как и обещала, устроила скандирование «Все расы друзья!» на обоих языках. Помимо всего прочего, такая видеозапись требовалась для первого рапорта в ЦУБ. Гостям это неожиданно понравилось, они сумели повторить незнакомые звуки, хотя в следующий миг напрочь забыли. Вождь, впрочем, два новых слова уже выучил: он всю именовал себя Сансан, а полковника – «Сан-Гсс».

Всем гостям раздали золотые медальки за речовку, а Сансану объяснили, что изучение новых слов – очень почетное дело, вкратце рассказали про ученых и научный прогресс, и, пока не заскучал, по-быстрому вручили заранее приготовленную медаль «Большой ученый академик» за выученные слова.

Замешательство возникло, когда Сансан указал клешней на Дженни и спросил полковника, по какому праву он позволяет самке открывать рот в присутствии воинов. Подсказать ответ Дженни, понятное дело, не могла, а полковник молчал. На помощь пришел Мигулис – он вдруг заговорил, и на гостей его речь произвела большое впечатление. Позже он сознался, что он сказал, будто это говорящая самка-воин, она очень почетная, полковнику досталась за его великие победы в деле мира, поэтому он ею гордится, заставляет везде ходить за ним и говорить вслух, чтобы все кругом видели, как он богат самыми лучшими самками.

Сансан тут же предложил поменяться самками, но ему объяснили, что это перебор.

Дни потянулись бесконечной чередой. Дженни готовила программы и отчеты, Мигулис консультировал ее по языку. Лях снова начал попивать, о чем Саймон не преминул донести Дженни. Сам он по-прежнему играл в игры в комнате отдыха. Полковник отошел от дел. У него разыгралось давление, и теперь он все чаще сидел по совету Августы в оранжерее на лавочке, перелистывая на планшете фотографии юности.

Августа ожила. словно с нее разом сняли проклятие – она больше не шаркала, не смотрела в точку, а все чаще улыбалась. К ней вернулась энергия, и она нашла себе много забот, в которые с головой погрузилась. Например, она, как медик, всерьез занялась вопросами санитарии – добила смену фильтров вентиляционной системы, которые не менялись со времени основания базы, а от роботов-уборщиков – железного графика и небывалой чистоты во всех помещениях. Песок в коридорах, на который жаловался Саймон, пропал. Помимо этого, Августа занялась кулинарией: засела за литературу, и с минимумом дополнительных продуктовых заказов сумела так перепахать рацион и меню, и так перепрограммировать поваров, что в столовой теперь вместо соевых котлет с горошком каждый день было новое фирменное блюдо. Кроме того, она проделала в лабораториях базы серию анализов и написала небольшую научную работу, доказав, что местная капуста-пустынный годится в пищу для человека после полной экстракции солей тяжелых металлов в бароклаве, многочасовой термической обработки и вымачивания в уксусе. Она сама пекла пироги с этой капустой – они были странными на вкус, но съедобными.

В общем, можно было подумать, что она выздоровела совершенно, если б не Нэйджел. Детский череп был похоронен с почестями у входа на базу, поставлена оградка, высажена капуста и воздвигнут большой каменный обелиск – Лях и Саймон строили его целую неделю. Но Августа так ни разу не пришла на могилу. Если вдруг заходил разговор, она с удивительным упорством твердила, что Нэйджел жив и скоро вернется. И продолжала заказывать для Нэйджеля игрушки, одежду, стулья, тренажеры, краски, книги про мушкетеров. Спорить с ней было совершенно бессмысленно. «Нэйджел очень любит играть в мушкетеров, – говорила она. – Когда он вырастет, обязательно станет мушкетером...»

В очередной раз Сансан пришел через месяц. С ним явилась такая толпа воинов, что пришлось спешно придумать новое правило: в гости могут приходить столько рецидов, сколько поместится в лифт.

С собой Сансан принес свертки с гнилым мясом и настаивал, чтобы полковник разделил с ним трапезу как с братом – отведал плоть общих врагов. Дело осложнялось тем, что пировать плотью общего врага было важным обычаем рецидов, а отказ от высокой чести считался оскорблением. С большим трудом удалось убедить Сансана провести церемонию пира не на базе, а снаружи. Здесь снова помогла формулировка, придуманная когда-то Августой. Дженни даже описала ее в отчете, назвав «правило Августы»: плоть врага оскорбительна для жилища, проносить врага на базу нельзя ни живого ни мертвого, ни целого, ни по кускам. От поедания плоти у входа в шлюз тоже удалось отвертеться – пользуясь тем, что на лице кислородная маска,

и не разобрать, кладет полковник куски себе в рот или брезгливо проносит мимо резиновой перчаткой и возвращает в миску.

Затем Сансан устроил перед полковником парад своих самок – он пригнал их к базе несколько сотен. Самки шли нескончаемой вереницей, по команде делая танцевальные развороты, а Сансан повторял, что тоже очень богат самками, гораздо богаче, чем Сан-Гсс. Дженни сочла это позитивным сдвигом в пользу равенства полов. Сансану была вручена заранее приготовленная медаль «Почетный гражданин Земли». Формулировка оказалась неожиданно сложной для понимания рецидами, и после долгих объяснений Мигулиса Сансан сделал вывод, что раз он полноценный гражданин, то его племя может жить прямо над базой.

Дженни объяснила всем, что это правильная идея, которая немного опередила события, потому что культурная ассимиляция тоже входит в план.

Сансану было даровано право перенести лагерь своего племени на площадку базы.

Сообщить это пришлось Мигулису – полковник снова отказывался открыть рот.

Сансан так обрадовался, что испражнился прямо в коридоре базы, а за ним это сделали все его воины – то ли недавно съеденная плоть врагов закончила свой пищеварительный цикл, то ли это был ритуал радости. В любом случае о существовании туалетов им никто рассказать не успел. Даже невозмутимая Дженни была этим сбита с толку.

Но план есть план. Наутро ненужный более периметр из колючей проволоки снесли роботы. Племя Сансана насчитывало несколько тысяч особей, и все они переехали сюда.

Территория быстро покрылась траншеями и норами, тут и там белели пузыри коконов, стоял галдеж, а танцы подозрительно напоминали драки.

Разумеется, на базе ничего этого слышно не было, хотя все роптали.

Сансан и его воины стали частыми гостями – понедельник был назначен днем посещения: Дженни прививала дикарям знание о календаре. На базе Сансану нравилось, он чувствовал себя все уверенней – он задавал все больше вопросов, и Дженни не могла нарадоваться.

Однажды Сансан принялся расспрашивать, насколько сильно уважаем полковник Гаусс в мире людей. Мигулис, развеселившись, поведал, что имя полковника Гаусса носит важный закон науки, а также второй по величине город на планете Ферера. Сансан удалился задумчивый, а в следующий визит сообщил, что настало время сделать торжественное объявление.

Забравшись на стол в конференц-зале, он сообщил полковнику, что назвал собственным именем всю планету – Сансан Тулф. Также имя Сансан Тулф получила звезда Ассанта, Большой Шелл и заодно все небо. А также именем Сансан Тулф отныне называется сезон дождей.

Но и полковника Сансан не оставил в обиде – назвал его именем самый большой поселок: все, что раскопано в пустыне над базой, теперь называется Сан-Гсс. Сообщив все это, Сансан потребовал себе новую медаль. Медали не оказалось, а разбудить Ляха и поставить к 3D-принтеру не удалось: Лях был в глубоком запое.

Сансан был крайне разочарован отсутствием награды: он нервно и обиженно шелкал клешнями. А потом поинтересовался: когда уже наконец он сможет жить здесь, на базе, вместе с людьми?

Дженни ответила, что это входит в планы. Все думали, что это шутка, но к вечеру Дженни приказала начать подготовку верхнего нежилого этажа, который по плану базы предназначался под тюрьму, для рецидов.

Полковник принял это известие, не меняясь в лице. Но вечером в комнату Дженни постучал Херберт и сказал, что надо поговорить и что он по поручению остальных.

– В чем дело? – осведомилась Дженни.

Херберт помялся.

– Дженни, пускать рецидов на базу – безумие! Вам мало, что вы поселили их у нас на голове?

– И ничего плохого не произошло, – возразила Дженни. – Теперь они станут ближе на один этаж. Свободного прохода не будет, мы поставим стальные двери.

– Но это опасно для людей!

– Если бы они хотели напасть, давно бы напали, – парировала Дженни. – Мы проводим интеграцию и ассимиляцию.

Херберт перевел дух.

– Вы хотите изменить рецидов... – с горечью сказал он. – Но вы даже людей не можете изменить! Что бы вы ни делали, Дженни, все равно Лях при первой же возможности продолжит спиваться, полковник – жечь огнем врагов, Саймон – трусить и доносить, Петерсон – думать только о себе, а Мигулис – играть в диванного воина правды: сливать в Сеть нежелательную информацию и наводить друзей-блогеров на горяченькие новости...

– Вы думаете, это делал он?

– Я не думаю, я знаю.

– Хорошо, а я?

– А вы, Дженни, будете самоуверенно гнать по своим учебникам и карьере как трактор. Пока вам не перекусят траки те, кого вы так нежно пытаетесь ассимилировать.

– Ну ладно, а вы? – вскипела Дженни. – Кто вы, Херберт? Да вы хуже всех! Вы неудачник, который презирает всех вокруг и видит в людях одни мерзости!

Херберта передернуло, но он совладал с собой и высокомерно пожал плечами:

– Даже ваше хамство, Дженни, не отменяет сказанного мной: вы надеетесь изменить кровавых упырей, но даже людей изменить не в силах.

– Всего доброго, Херберт, – Дженни указала на дверь. – Прочтите наконец учебник.

С тех пор Сансан начал стучаться в дверь нижнего яруса постоянно, хотя открывали ему по-прежнему лишь по понедельникам.

Дженни каждый раз готовила новые тезисы и читала рецидам цикл лекций по культуре, а затем Сансану вручали новую медаль. Сансан точно знал, какую он медаль хочет, – он всякий раз подолгу засматривался на жетон, висящий на шее у Дженни. Ему много раз объясняли, что вот конкретно этот жетон принадлежит полковнику, является символом базы, не дарится и не меняется.

Рециды привыкли к тому, что полковник говорит неохотно и без интонации, повторяя за Дженни, а переводил по-прежнему Мигулис. Дженни к тому времени сама неплохо подтянула язык, но кто же будет слушать самку?

У Сансана тем временем появилась новая идея – он требовал, чтобы его именем люди назвали свой город. Ведь он большой ученый и почетный гражданин. Где же почет? Дженни нашла удачный ответ, потому что в ее практике это был не первый случай: по крайней мере, на двух отстающих планетах уже давно имелись местные достопримечательности, названные именно словом Сансан. Правда, в честь местного персонажа. Оставалось только показать карты или видеоролики и сказать, что название Сансан есть. Но этот остроумный ответ было невозможно передать рецидам: читать они не могли, в картах не разбирались.

Тогда Сансану объявили, что база будет названа его именем.

Сансан с воинами пустились в пляс. Отплясавшись, Сансан похвастался, что он самый великий завоеватель, раз мир людей теперь носит его имя. Раздраженный Мигулис объяснил, что речь о здешней базе, а планет у людей много, они огромные и далеко.

Сансан попросил показать ему эти планеты.

Дженни сказала, что такая экскурсия входит в план работы, и повела гостей вниз, на самый нижний ярус, к хабу.

Прислонив свой жетон к сканеру, она распахнула стальные двери и, покрутив рукоятки пульта, по очереди установила телепортационные рукава с несколькими портами разных планет.

Сансан и воины были совершенно потрясены, когда перед ними замелькали разноцветные залы ожидания, нарядные пассажиры всевозможных видов и рас и далекие пейзажи за окнами.

Дженни прочла назидательную лекцию о дружбе и технологиях и на прощание подарила Сансану планшет с фотографиями разных миров.

Шли месяцы. Однажды к Дженни, поглощенной работой над новым учебником, снова явился Херберт. Он постучал в дверь, вошел бочком и встал, прислонившись спиной к стенке.

– Прочел вашу статью «Ясный путь цивилизатора», – заявил он. – Очень хорошая статья.

– Спасибо, – улыбнулась Дженни.

– Она, я так понял, опубликована в ежеквартальном вестнике ЦУБа?

– Да, именно в нем, – подтвердила Дженни. – И ее сейчас активно цитируют в новостях.

Херберт уважительно покивал головой.

– Очень хорошая статья, очень впечатляющие успехи по работе с рецидами в ней описаны, – повторил он. – Прошел год – и каковы результаты! Установление мира и прекращение войн между племенами. Полный мораторий на казни и зверства. Прекращение атак на коммуникации базы. Порча солнечных батарей ушла в прошлое. Вождь туземцев с вашей помощью освоил кнопку на планшете, зарегистрировал аккаунт и шлет фоточки в мировую Сеть. Теперь в ближайших планах – отказ от каннибализма?

– Надеюсь, все и дальше пойдет хорошо, – улыбнулась Дженни удовлетворенно.

Херберт притворно поцокал языком.

– Что же будет, когда в мировых новостях всплывет истинная информация по планетоиду?

– Какая? – удивилась Дженни.

Херберт принялся загибать пальцы:

– Численность рецидов сократилась с начала операции на тридцать пять процентов – они добились множество племен и продолжают добывать. Нашими, замечу, огнеметами. Треть населения убыла! Такого геноцида планетоид не знал еще никогда, даже когда полковник раскладывал под солнечной фермой радиоактивные полотенца.

– Позвольте... – опешила Дженни, но Херберт продолжал, загибая пальцы:

– Ежедневно проводятся массовые публичные казни с солью и колами – до тысячи трупов в сутки! Вы видели фотки, которые выкладывает ваш Сансан в свой аккаунт? Он же все это выкладывает. А у нас тем временем испорчена четверть солнечных батарей, выкопано два силовых кабеля из трех – в часы пик для хаба у нас теперь включаются аварийные аккумуляторы! Сансан собрал армию – у него огромное число воинов. Они живут у нас на голове и занимаются подкопами! У нас готовятся три новых подкопа в стенах яруса – так нам рисуют сканеры базы! Одного рецида камеры засекли даже на нашем ярусе, прямо в коридоре у медпункта Августы! И это было не в день посещения, не в понедельник!

Дженни вскочила.

– Вы серьезно?!

– Абсолютно, – кивнул Херберт, ловко вытащив из-за спины планшет и вручив его Дженни. – И добавлю: я предупреждал. Мы все предупреждали. Эти твари не созданы для партнерства. Но у вас же учебник...

– Срочный сбор! – хмуро скомандовала Дженни. – Вызываем Сансана на ультимативный разговор!

– Ультимати-и-ивный? – протянул Херберт. – А что вы ему скажете, Дженни? В чем ультиматум? Какие у вас рычаги влияния на него? Да, они бегали по пустыне, грызли батареи, иногда убивали людей, а полковник двадцать лет жег и травил тех, кто перебежал черту. Вы приехали все изменить – и что сделали за год? Раздали тварям огнеметы, пустили к нам в дом и поселили на чердаке армию людоедов?! Кто теперь в состоянии выгнать их, кто поставит их на место? Вы? Прекратите дарить бусы каждый понедельник? Забаррикадируетесь на жилом этаже и погоните роботов выжигать огнем свору под видеозапись для блогеров всего мира? Чем вы теперь их вытравите, Дженни, со своими гуманистическими принципами, учебниками, надзором прессы?

– На этот случай, – ответила Дженни, – в ксенотехнологии применяется план «Б». Херберт, подыщите мне мелкого вождя, который смог бы взять власть, если с Сансаном вдруг что-то случится.

– О, да вы совсем заигрались в политику, Дженни, – прищурился Херберт.

– Не время для споров, мне просто нужна свежая кандидатура!

– А нету кандидатур, – отрезал Херберт. – Сансан с вашей помощью выжег всех, кто имел хоть малейший авторитет и мог представлять для него опасность! Сансан для них теперь – великий вождь и герой, его именем названо небо и даже Большой Шелл в небе – родная колыбель, по их поверьям! Вы убьете его? Так они всей планетой кинутся мстить за великого вождя! А у нас не найдется столько роботов с огнеметами, если все начнут рыть со всех сторон!

– Вы несете бред, Херберт! – взвизгнула Дженни.

– Я просто передаю вам слова полковника. Он отправил меня поговорить с вами – сказал, что у него нет сил на такой разговор, у него болит сердце. Вы понимаете, до чего вы довели старика? Он просил меня попытаться объяснить, что рециды – это порох, который только ждет своей искры. Я два дня ходил и подбирал для вас слова, чтоб вы поняли, черт вас дерит, Дженни! Ведь ладно еще, если сожрут только базу и нас с вами! Но что будет, если орда людоедов распробует человеческое мясо, объявит людей врагами и полезет вниз, в хаб – выбежит из телепортационных рукавов в залы ожидания на Земле, Ферере, Ксантине или Новом Константинополе?! Вы представляете, сколько будет жертв?!

Дженни его уже не слушала: она выскочила из каюты, объявила общий сбор по селектору, отправила сообщение Сансану с требованием прийти в конференц-зал на срочное совещание, а сама бросилась искать полковника.

Полковник сидел на своей любимой лавочке в оранжерее и смотрел перед собой, нахмурив брови и прижимая правой ладонью к груди свой планшет. Казалось, что он клянется своим планшетом в чем-то, хотя губы его оставались неподвижны, а лицо спокойным. В свете фитоламп оно казалось пластмассовым.

– Полковник! – окликнула его Дженни. – Вам следует пройти в комнату переговоров и поговорить с Сансаном!

Он не обратил на нее внимания.

– Полковник, не время для спектаклей! – раздраженно повторила Дженни. – Вы – наш Санса Гаусс, вершина диполя власти, вождь слушается только вас! – Она вынула из-за пазухи свой жетон и поднесла к носу полковника. – Полковник Эрнест Гаусс, старший инспектор ЦУБ Дженни Маль приказывает вам начать говорить со мной!

Полковник не отвечал.

– Дженни, – раздался за спиной голос Августы, – в конференц-зале толпа рецидов, они нервничают и ждут полковника... – Августа осеклась. – Что-то случилось?!

Августа все поняла: она подбежала, чтобы пощупать пульс на шее полковника, но сразу отдернула руку – шея старика была холодной и каменной.

Дженни вошла в конференц-зал решительной походкой. За ней шли Мигулис, Херберт и Августа. Саймона оставили командовать роботами, которые укутывали тело полковника в простыни.

Сансан стоял на столе, возвышаясь над всеми. Он был откровенно жирный – его брюхо округлилось, и даже лицевой щиток, казалось, раздался вширь. Воинов в этот раз пришло много – они почесывались и зверски воняли.

– Пришло время обсудить правила дружбы! – начала Дженни строго. – Сансан – друг. И должен вести себя как друг.

Мигулис принялся переводить, но Сансан перебил и затрещал в ответ.

– Что он говорит? – спросила Дженни.

– Он спрашивает, где Сан-Гсс. Он будет говорить только с полковником.

Дженни кивнула:

– Отвечайте, Мигулис, что в жизни у Сан-Гсс сегодня наступил очень важный день...

Мигулис заговорил, но Дженни перебила:

– Стоп и тишина! Это пока сложная мысль, надо иначе... – Она задумалась.

– Но я уже перевел про важный день жизни! – возразил Мигулис.

– Тогда, – нашла Дженни, – продолжите, что у полковника сегодня день рождения. Он поехал в далекий мир принимать поздравления от друзей. И пока не вернется, говорить буду я.

Мигулис перевел, и, когда он закончил, Сансан застрекотал в ответ. Дженни разобрала только постоянно повторяющееся «Сан-Гсс» и «чаган».

– Что он говорит? – спросила она.

– Он говорит про вас гадости... – Мигулис растерялся. – Но я не знаю, что значит «чаган».

– «Чаган» как «ужун», только хуже, – внезапно подала голос Августа. – «Ужун» – засланный враг, боец, его уважают. А «чаган» – выродец, враг своего племени. Он говорит, что Дженни враг племени, она давно мешает полковнику жить, и терпеть ее больше нельзя. Он говорит, что тоже хочет сделать подарок полковнику на день рождения...

– Отвечайте ему... – начала Дженни, но Сансан вдруг предостерегающе поднял одну из клешней, зашипел и защелкал.

Мигулис снова не понял, а вот Августа рванулась вперед и встала между вождем и Дженни. Она широко раскинула руки и отчаянно застрекотала, вытянув губы трубочкой. В отличие от Мигулиса, говорила Августа без запинок и так плавно, словно язык рецидов был ей родным – ловко пощелкивая и выплевывая согласные.

Сансан некоторое время ее слушал, а затем вдруг дернулся, словно сбрасывая морок, и исчез. В следующий миг он уже был перед Дженни за спиной Августы. Щелкнула клешня, и тело Дженни мягко повалилось на пол. Отрубленная голова осталась в клешнях Сансана, а в третьей клешне он держал ее жетон.

Все-таки двигались рециды с невозможной скоростью.

ЭПИЛОГ

В маленький пустой кафетерий на верхнем ярусе транспортного порта небольшого городка Земли зашел высокий мужчина с черной бородой и в старомодных очках. На плече его был небольшой мешок, какие модно было носить десять лет назад. Он взял в автомате чашечку кофе, сел за столик, положил перед собой очки и принялся размешивать сахар.

Из недр кафешки выкатилась тележка, увешанная тряпками и уставленная флаконами, но вел ее не робот, а мужичок в спортивном костюме с усталым лицом. Он распахнул дверцу ближайшего автомата и принялся вытирать тряпкой капли конденсата на изнанке стеклянной двери – работа, с которой роботы до сих пор справляются из рук вон плохо.

Мужчина с черной бородкой недоуменно посмотрел на мойщика, затем нацепил очки и вдруг негромко воскликнул:

– Саймон?

Имя произвело шокирующее впечатление – мойщик сжался, словно от удара, выронил тряпку и лишь затем взглянул на посетителя.

– Йозеф? – произнес он изумленно. – Мигулис?

Они шагнули друг к другу и обнялись.

– Мы думали, ты погиб! – удивленно сказал Мигулис. – Тебя искали месяц! Нэйджел облазил все этажи!

– А я думал, вы погибли... Откуда ты и куда?

– Все, домой! – улыбнулся Мигулис. – Срок закончился. Жду пересадки на Ксантин, рейс через полчаса. Так что с тобой случилось?

Саймон молчал, а потом махнул рукой и сел напротив.

– Не рассказывай никому, – попросил он. – В общем... я просто убежал.

– Куда? – удивился Мигулис.

– В хаб. Когда раздались вопли, я понял, что конец. Снял с полковника комендантский жетон и спрятался за кустами. Потом увидел, как вас притащили в оранжерею и как вождь пытался вручить полковнику голову Дженни, потом вы что-то кричали, а потом вождь начал полковника жрать...

Мигулис покивал.

– Убивший вождя становится вождем. Когда он понял, что полковник умер, он объявил себя полковником. Вождь всех племен, командир рецидов, людей и всех миров за нижней железной дверью.

– Я так и понял, – вздохнул Саймон. – А потом его воины схватили вас. И Августа вдруг закричала: «Нэйджел, спасайся, они захватили базу!» А вождь ударил ее клешней по щеке. Я понял, что сейчас всех сожрут. А потом вдруг в оранжерее погас свет... И я понял, что это мой шанс, и рванул через вентиляционный ход на технический этаж и в хаб... Открыл дверь, включил телепорт и убежал в первое попавшееся место... С тех пор живу в порту, без документов наружу не выйти. Договорился с роботом, подменяю его за еду. Зато жив. И до сегодняшнего дня думал, что вас сожрали...

Мигулис грустно покачал головой:

– А броситься в ЦУБ, рассказать, что произошло... – не?

– Не, – вздохнул Саймон, – не смог. Первые дни был в шоке, а потом уже вроде и время прошло...

– А дверь хаба зачем открытой оставил?

– Про дверь сейчас вообще не помню, – вздохнул Саймон. – Может, забыл, а может, оставил, чтоб кто-то еще смог спастись... – Он вдруг посмотрел на Мигулиса. – Так ты тоже... следом сбежал?

Мигулис покачал головой.

– Так все и было. Он убил Дженни, начал жрать тело полковника, и ему понравилось. Мы с Августой пытались объяснить, что рециды и люди – одно племя, но он ответил, что он верховный вождь и победил всех, база его, мир его, люди должны стать рабами и кормом... Тогда Августа закричала Нэйджелу, чтоб спасался, и погас свет.

– А потом?! Что потом?! – крикнул Саймон.

– А потом было чудо, – ответил Мигулис. – Был шум, была драка в темноте, лязг, а когда зажегся свет, на полу лежали трупамы все самые крупные воины Сансана, уже не знаю, сколько их было, дюжина наверно. А у выключателей стоял здоровенный рослый парень: с виду совсем юный, но ростом выше рецидов головы на две – крепкий такой, складный, подтянутый, и одет в смешной такой карнавальным костюм мушкетера: плащ самодельный, шпага... Саймон, ты не

поверишь, у него была самая настоящая шпага, как из музея, – блестящий штырь с рукояткой, длинный и острый.

– И это был Нэйджел? – догадался Саймон.

Мигулис улыбнулся.

– Да, это и был Нэйджел.

– Но, подожди... – Саймон пытался сообразить. – Нэйджелу было три года, когда он пропал! С тех пор прошел всего год!

Мигулис помотал головой.

– Нет-нет, что ты! – удивился Мигулис. – Это же не человек! Этот парень был молодой рецид, но только здоровенный и сильный, как на Большом Шелле. И очень умный. Он зажег свет, снова сделал пару молниеносных выпадов шпагой – и проткнул еще пару воинов, ты ж знаешь, только они и могут двигаться с такой бешеной скоростью. А потом на глазах оставшейся мелочи спокойно подошел к Сансану и сказал: «Ты оскорбил маму Августу, ты напал на мое племя, и сейчас ты умрешь...»

– На каком языке он это сказал?

– Ты знаешь – не помню. Наверно, на местном. Нэйджел говорит без акцента на двух языках. А дальше была стычка, но очень короткая: просто раз – и все... Мы потом рассматривали запись с камеры: Сансан выхватил топоры и бросился на него, а Нэйджел ловко ушел вбок и оттуда ткнул шпагой под боковую пластину, где у них двигательный ганглий. Я думаю, Сансану вообще не на что было надеяться – Нэйджел владел шпагой мастерски, а рециды не знают ни огня, ни железа. Остальные воины растерялись, и Нэйджел знал, что они растеряются. Он подошел к Августе, помог ей подняться, обнял и поцеловал. А потом в оранжерею забежала толпа рецидов сверху – видно, кто-то из воинов успел открыть шлюз. И тогда Нэйджел сорвал с тела Сансана жетон ЦУБа, еще в крови Дженни. Он надел его себе на шею и крикнул: «Я убил Сансана, я ваш новый Сансан! Я Нэйджел, единолуп, я научу вас жить по-другому! Поклоняйтесь мне!»

– А они что?!

– А что им оставалось? Это же ритуал: кто убил вождя в поединке, тот вождь.

Саймон тряс головой, не в силах осмыслить.

– Подожди, но кто он, Нэйджел? Откуда он?

– Ты еще не понял? – усмехнулся Мигулис. – Вот и мы не понимали до последнего. Августа вырастила личинку.

– Но они же... каннибалы и звери! У них же родовая память! Они тупые и жестокие!

Мигулис снова покачал головой:

– Смотря как воспитывать и чем кормить. Если твой род прилетел в незапамятные времена на отравленную планету, где из еды только капуста, а из мяса только соотечественники – то можно за несколько поколений деградировать до звериного состояния. Так говорит Херберт. Но, оказывается, можно и обратно...

– Но... – Саймон не мог поверить. – Как Августа об этом знала заранее?

– А она не знала. Просто пожалела личинку, взяла себе и вырастила.

Саймон вдруг отстранился от Мигулиса, и на его лице мелькнуло неприятное выражение:

– Слушай, ты! Журналистишка! Ты же все это сейчас придумал специально для меня, да? – Он вскочил, схватил Йозефа за рубашку и заорал в лицо: – Ты же придумал это! Придумал, сознайся!

Мигулис аккуратно отцепил его руки и встал.

– С чем тебе удобнее жить, Саймон, так пусть и будет, – ответил он. – А мне пора на рейс, прощай.

Он закинул за спину мешок и вышел из кафе.

– Ты придумал это! – снова крикнул Саймон с отчаянием. – Не было никакого Нэйджела!

Майк Гелприн. Брат ты мой единственный

Все, что кругом, называется землей, а мы – люди. Люди бывают правые славные, правые верные и никакие. Мы – никакие. Отец объяснял, что это очень хорошо, потому что правые славные воюют с правыми верными, а никакие не воюют ни с кем.

Нас, никаких, четверо. Отца зовут Галиб, волосы, глаза, усы и борода у него черные. Отец очень сильный и ничего не боится. Маму зовут Ольгой, у нее светлые волосы и длинная коса, чуть ли не до земли. Мама самая добрая и красивая на земле, так говорит отец, но мы и без него знаем. Брата зовут Рашид, мы с ним родились в один день, и сейчас нам по десять лет. Мы одного роста, и лица у нас похожи, только Рашид черноволосый, как отец, а я светлорусый, как мама, и зовут меня почти как ее: Олегом.

Мы живем в доме, который построил отец, когда мы с Рашидом еще не родились. Стоит наш дом на поляне, а вокруг нее лес, в котором живут зверюги. Отец на зверюг охотится, он часто уходит в лес и берет с собой нож, топор и лук со стрелами. Из мяса зверюг мама готовит всякие кушанья, а из шкур шьет одежду. Когда мы с Рашидом подрастем, мы тоже будем охотиться, отец говорит, что уже скоро.

Лес тянется от дома на все четыре стороны, которые называются север, юг, восток и запад. На севере за лесом лежат гиблые земли, там раньше был город, от которого ничего не осталось. Если гиблые земли обогнуть, то начнутся места, где живут правые славные, но отец туда не ходил и говорит, что не пойдет никогда, нечего ему у правых славных делать. На юге, в трех днях пути, болото, за ним пустая земля и горы. Там, в горах, живут правые верные, отец пару раз до пустой земли добирался, но вспоминать об этом не любит и нам не рассказывает. На восток от дома лучше вообще не ходить, там в лесу живут зверюги, охотиться на которых нельзя, потому что они сами на кого хочешь охотятся. И только на западе лес хороший, редкий, грибной и черничный, а если утром выйти, то вечером доберешься до реки, по берегам которой растет малина. Мы прошлым летом с отцом ходили и этим пойдем: малина – вкуснее некуда. Купаться, правда, в реке нельзя, не то что в ручье, который прямо рядом с домом. Это потому, что в ручье водятся головастики, а в реке – настоящие чудовища, одна только рыба-крокодил чего стоит.

Отец говорит, что раньше никаких рыб-крокодилов не было, и крысых волков, что живут на востоке, не было, и медвежьих кротов, которые тех волков ничуть не лучше. Появились эти зверюги, потому что была война. Давно, еще до того, как родился отец. Затеял войну человек по имени Христос, который был у правых славных самым главным. Он невзлюбил другого человека по имени Аллах, который был самым главным у правых верных. Они ополчились друг на друга и начали воевать, а потом друг друга укололи и еще много всяких людей заодно. Так что войну проиграли все, выиграл один Шайтан.

Вопрос, кто затеял войну, очень важный, потому что стоит об этом заговорить, и мама с отцом начинают ссориться. Это оттого, что мама думает наоборот – будто виноват не Христос, а Аллах. Что, дескать, Аллах этот собрал правых верных, всех вместе, а место, где они стали жить, назвал исламским государством. Из этого государства, мама говорит, бомбы и прилетели. Мол, украли их где-то правые верные, бомбы эти, оттого и война началась. Отец как про краденые бомбы услышит, сразу сам не свой становится и начинает браниться. А больше он с мамой никогда не ссорится и не ругается на нее, хотя на нас иногда и покрикивает.

Лица у нас с Рашидом похожи, а так мы очень разные, это и мама говорит, и отец, да мы и сами знаем. У него громкий голос, а у меня тихий. Он обожает мясо, а я – ягоды и орехи. Еще он любит играть во врагов, в джигитов и в атомную бомбу, а я – в пятнашки, в прятки и в чижа. А еще Рашид любит отца больше, чем маму, однажды он мне сам сказал. А я всех люблю одинаково.

Старик пришел осенью, мы с Рашидом увидели его, когда выскочили утром на крыльцо по нужде. Он был очень старый, морщинистый и беловолосый, но не как мама, а словно посыпал голову пеплом с прогоревшего костра.

– Подойди ко мне, мальчик, – хрипло сказал старик и поманил меня рукой.

Я поначалу испугался, потому что кроме отца, мамы и брата никаких людей раньше не видел, разве что на картинках в растрепанной книжке, которые мы иногда разглядывали перед сном. Откуда взялась эта книжка и зачем она нужна, ни мама, ни отец не помнили, но картинки в ней были замечательные. Люди на картинках пускали друг в друга пули из длинных палок, которые сжимали в руках. Отец говорил, что палки называются винтовками, и раньше винтовок было много, но теперь почти не осталось, потому что патроны после войны быстро закончились, а новые люди делать не научились. Мы с Рашидом часто спорили, кто нарисован на картинках. Он думал, что это правые верные убивают правых славных. А я думал наоборот, сам не знаю почему.

Я смотрел на старика, а он на меня, и страх потихоньку из меня уходил. Мне стало отчего-то ясно, что человек он слабый, а значит, плохого сделать не сможет.

– Подойди, мальчик, – повторил старик и, когда мы с Рашидом дружно шагнули с крыльца, вдруг каркнул, словно птица-падальщик: – А ты стой на месте, ублюдок!

В этот миг дверь отворилась, на крыльцо выскочила мама, и в руках у нее был тесак, которым отец рубил на кухонном столе добытых на охоте зверюг. Мама ахнула, тесак выпал у нее из ладони, она несмело шагнула к старику раз, другой и замерла.

– Ну, здравствуй, Олюшка, – тихо сказал старик. – Басурман твой в лес ушел, я в кустах сидел, видел. В дом-топустишь?

Мама вздрогнула, закивала, потом обернулась к нам.

– Пойдите, поиграйте, дети, – велела она строго.

Мы с Рашидом нехотя побрели к ручью, я чувствовал взгляд старика у себя на спине, будто он хотел глазами прожечь меня между лопаток.

– Как думаешь, кто такой? – прошептал Рашид, когда мы достигли опушки.

– Не знаю, – ответил я и тут же сообразил, кто такой этот старик. Мама рассказывала, что родители в детстве ее звали Олюшкой. – Это... – начал я, – это...

Я замолчал. И вдруг понял: я не хочу говорить Рашиду, что этот старик наш с ним дед.

Дед провел в доме целый день и выбрался наружу, лишь когда солнце уже скрылось на западе – покатилося купаться в реке, как говорил иногда отец. Миг-другой старик стоял на крыльце, будто раздумывая, не вернуться ли. Потом тряхнул головой и осторожно, то и дело оглядываясь, припустил через поляну вслед за солнцем.

– Что такое ублюдок? – спросил Рашид, когда вечером отец возвратился с охоты.

Мама, которая проплакала все время с тех пор, как ушел старик, испуганно охнула. Лицо отца озарилось сполохом огня со свечного огарка, и мне показалось, что из смуглого оно стало черным.

– Кто сказал это слово, сынок? – спросил он, затем перевел взгляд на меня и стал пристально смотреть мне в лицо. Я шарахнулся: мне почудилось, что это не отец глядит мне в глаза, а кто-то чужой, злой и страшный.

– Я сейчас объясню, Галиб, – поспешно заговорила мама. – Дети, поиграйте пока во дворе.

С этого дня что-то будто сломалось в нашем дружном и тихом доме. Я, правда, понял это гораздо позже.

* * *

Зима прошла как обычно. Все так же уходил на охоту отец, только теперь надевал он на ноги плоские деревянные лыжи. Все так же хлопотала по дому мама, а мы с Рашидом играли во врагов, закидывая друг друга снежками, и в прятки, с головой зарываясь в сугробы. Мало-помалу я забыл о старике, который был моим дедом и который приходил к нам неизвестно зачем. Вспомнил я о нем лишь на исходе зимы, в тот день, когда мама с отцом поссорились.

Это произошло поздним вечером, и ни про Аллаха, ни про Христа речи у них не было. Я уже задремывал на кровати в комнате, которую мама называла детской, когда услышал громкий и гортанный отцовский голос.

– Никогда! – рявкнул отец, и в следующий миг до нас донесся грохот, словно он с силой саданул кулаком по столешнице. – Никогда ни один из моих сыновей не поднимет руку на твою родню.

– Тише, – донесся до меня едва различимый голос мамы. – Детей разбудишь.

– Пускай слышат, – загремел отец. – Они мужчины, и им пристало носить оружие. Завтра я поговорю с ними, но клянусь, что, пока я жив, ни один из них...

Отец замолчал. На соседней кровати завозился Рашид.

– Слышал? – прошептал он.

Я кивнул в темноте. Отец сказал, что мы будем носить оружие, а значит, пойдем с ним в лес охотиться на зверюг. Раньше я мечтал о том дне, когда отец возьмет нас с собой на охоту, но сейчас почему-то почувствовал, что мне совсем не радостно.

На следующее утро, едва позавтракали, отец поднялся по приставной лестнице на чердак и вернулся оттуда, волоча на плече здоровенный, запертый на замок сундук. Мы с братом часто гадали, что в этом сундуке, и приставали к отцу с расспросами, но он отнекивался и говорил, что узнаем в свое время. Я сообразил, что «свое время» настало.

Хмурясь, отец водрузил сундук на стол и стал возиться с замком. Мама молча сидела, сложив на коленях руки, и глаза у нее были красными, словно проплакала всю ночь. Я подошел к ней, мама прижала меня к себе, и теперь мы с ней оба молча смотрели, как отец управляет с сундуком. Рашид в это время едва не приплясывал вокруг стола от нетерпения.

– Сегодня вам исполнилось по одиннадцать лет, – сказал отец, откинув наконец крышку. – Это значит, что вы стали мужчинами, в наше время мужчинами становятся рано. Я сейчас дам вам по сабле, по ножу и по колчану со стрелами. Луки мы смастерим сами и будем учиться из них стрелять. Еще будем учиться ставить капканы, бросать аркан и пытаться следы. А пока что... – Отец извлек из сундука сверток и потрянул его. Миг спустя он расправил в руках снежно-белую рубаху, длинную, до самых ступней. – Это дишдаш, дети, он достался мне от отца. Дишдаш правоверному следует надевать, когда случается очень важное событие в его жизни.

– Правому верному? – переспросил Рашид. – Но мы же не правые верные. Мы никакие.

Отец долго молчал, а мама все сильнее прижимала меня к себе.

– Двенадцать лет назад, – сказал наконец отец, – мулла Эль Хасан собрал правоверных. Две сотни воинов, на конях, с оружием. Мне тогда было восемнадцать, а моему брату Альмиру на год больше. Мулла Эль Хасан сказал, что пришла пора отомстить православным за всех, кто погиб в ядерной войне.

Отец рассказывал долго, иногда замолкая, и тогда вместо него говорила мама. Мы выслушали, как двести мужчин прошли через пустые земли, пересекли лес, обогнули гиблые места и напали на поселение православных. Мы узнали, что была большая резня, и много людей погибло, и дядя Альмир тоже погиб, но правоверные одержали победу, сожгли поселение и угнали на юг пленных и скот. Маму тоже угнали, и она была самая красивая среди пленных,

и должна была достаться сотнику Пахадыру, у которого уже было несколько женщин и двое сыновей.

– Он был жестокий человек, – глухо сказал отец, – и очень сильный. Я просил его отдать пленницу мне, потому что полюбил вашу маму и хотел взять ее в жены. Но сотник Пахадыр отказал мне, и тогда я убил его.

– Как убил? – подался вперед Рашид.

– Зарезал ночью, – отец вскинул голову и по очереди оглядел нас. – Я мог зарезать и его сыновей, но пожалел их. Я поступил неправильно, потому что оставил за спиной кровную месть. Той же ночью я выкрал вашу мать из шатра, где держали пленных, и увез с собой.

– А дальше, что было дальше? – жадно спросил Рашид.

– Дальше... – отец опустил голову. – Дальше мы стали изгнанниками, потому что родня вашей матери не приняла нас.

– Я могла бы остаться у своих, – тихо сказала мама. – Но не осталась, а через год на свет родились вы. Вам нелегко придется в жизни, дети.

– Почему? – спросил я. – Почему нелегко?

– Потому что вы сыновья предателей и изгоев, – ответила мама. – Поэтому у нас больше нет детей и не будет. Когда я думаю, как сложится ваша жизнь, мне становится страшно. Со времен войны православные и правоверные ненавидят друг друга. Они...

– Мы учили вас, что вы не те и не эти, – прервал маму отец. – Что вы никакие. Но это не так, дети: люди не могут быть наполовину никем. В вас течет и та, и другая кровь. Настанет время, и вам предстоит выбрать, кто вы. Человек живет для того, чтобы продолжить свой род, вы поймете это, когда станете старше. И тогда вам придется вернуться к людям. К тем или к другим.

Три года спустя отец не вернулся с охоты в срок. Мы прождали его день, другой, мама не находила себе места, и на третье утро мы с Рашидом отправились в лес. К этому времени мы часто выбирались на охоту вдвоем, но ходили только на запад, в те места, где знали каждую кочку и каждый куст. Отцовские же следы вели от дома на юг.

Чужое присутствие мы обнаружили к вечеру, на закате. Ветки на кустах были поломаны так, как никогда не обломает лесная зверюга или привычный к охоте человек. Мы шли по следу, пока не стемнело, затем, завернувшись в шкуры, улеглись спать и, едва рассвело, двинулись дальше. В полдень, когда солнце нависло над головами, мы нашли отца.

Рашид не плакал: отец учил нас, что мужчины плакать не должны. А я не мог сдерживать слез и ревел, пока мы ножами копали в земле могилу. В нее мы опустили то, что осталось от отца.

– Это сделали сыновья Пахадыра, – сказал, поднявшись с земли, Рашид. – Мы уьем сыновей Пахадыра.

Я промолчал. Кровная месть, о которой часто говорил отец, не вызвала во мне ничего, кроме неприязни. Я любил отца, и сейчас мне было скверно, очень скверно оттого, что его больше нет. Но убивать неведомых сыновей давно уже мертвого Пахадыра мне и в голову не пришло, тем более что было неизвестно наверняка, виновны они или нет.

Тем же вечером мама слегла, мы с братом по очереди кормили ее с ложки и пытались отпаивать травяными настояками. Мама пролежала, почти не вставая, с месяц. Поднялась она, лишь когда вновь появился старик.

На этот раз он вошел в дом уверенно, по-хозяйски уселся за стол, развязал тряпичный узел и начал выкладывать из него на столешницу невиданные нами вещи.

– Хлеб, – бормотал себе под нос старик. – Яйца. Сметана. Мед. Угощайся, Олежка, это тебе я принес. Кушай, кушай, а потом нам с твоей мамой надо будет поговорить.

– Говорить будем все вместе, – ступила через кухонный порог мама. – Дети уже взрослые, мне таить от них нечего. И запомни: внуков у тебя двое. Двое, а не один.

Меня передернуло. Мама исхудала за эти дни, истончала, волосы, обычно убранные в косу, были нечесаны и разметаны по плечам, большие серые глаза запали, а на лбу появились морщины. Это словно была не мама, а незнакомая и недобрая старуха.

– Что ж, все вместе так все вместе, – согласился старик. – Значит, так: поймали наши парни в лесу одного нехристя. Он перед тем, как отправиться к своему Аллаху, сказал, что ты овдовела.

– Вы убили его? – чужим, злым голосом спросил Рашид.

– Кого, нехристя? – переспросил старик. – А что с ним еще делать, с иродом басурманским? Знаешь, волчонок, что ваши с нами творят? Если...

– Отец! – выкрикнула вдруг мама.

Старик осекся.

– Прости, – сник он и обернулся ко мне. – Значит, так. Тебе, внучок, мама что к чему растолковывала?

Я помотал головой, хотя и не был уверен, о чем старик говорит.

– Ну, так, значит, расскажу я. Православные жили на этой земле испокон. Работали на ней, хребты гнули. Но потом нехристи и развязали войну. Немногие в ней уцелели, погибли города и целые страны, по всему миру, везде. Но этого нехристям показалось мало, и, когда война закончилась, те из них, кто выжил, пришли сюда. Басурмане не желают жить в мире, для них война продолжается, они все убивцы и воры и не успокоятся, пока не изведут последнего христианина на земле.

– Врешь! – закричал вдруг Рашид старику в лицо. – Ты все врешь, уходи отсюда, убирайся отсюда вон!

– Ну-ну, – криво усмехнулся старик. – Видать, бог проклял меня, раз моя кровь течет в твоих жилах, волчонок. Я уйду. Но уйду не один: я хочу забрать своего внука.

– Олег останется здесь, со мной, – твердо сказала мама. – Так же, как и Рашид. Или мы вернемся к людям все вместе, или не вернется никто.

– А его ты не хочешь спросить, Олюшка? – вкрадчиво проговорил старик и повернулся ко мне. – У меня никого не осталось, внучок. Если у тебя не будет детей, мой род угаснет. Зато у меня есть хороший дом, при нем огород и хлев. Есть конь и четыре кобылицы, коровенка, полсотни курей и улья. У соседей подрастают девочки, они сейчас твоих лет, внучок. Не спеши, подумай, время есть.

Старик поднялся и, не прощаясь, ушел.

Прошла зима, за ней весна, и наступило новое лето. Слова деда по матери не шли у меня из головы. Особенно последние, насчет девочек. Я в жизни не видел никаких девочек, но они стали сниться мне по ночам, красивые и добрые, как мама до смерти отца.

Однажды утром я проснулся оттого, что Рашид на своей кровати шумно ворочался, кричал и даже скрипел зубами.

– Ты что? – спросил я, растолкав его.

Рашид вскинулся, затем выдохнул и сел, свесив ноги на пол.

– Мне снилось, что я украл женщину, – сказал он. – Как отец. Украл у сыновей Пахадыра, а их обоих зарезал. Вчера снилось то же самое, только женщин было две. И я подумал... – Он, сощурившись, замолчал.

– Что ты подумал? – помог я.

– Давай вдвоем сделаем, брат? Пойдем на юг, обогнем болото, пересечем пустыню, за три дня мы доберемся до гор. Узнаем у людей, где живут сыновья Пахадыра, и отомстим. Не сразу, надо хорошо подготовиться.

– Не хочу, – сказал я.

– Струсил? – поднял на меня взгляд Рашид.

Я ударил его, по лицу, впервые в жизни, до этого мы не дрались никогда. Рашид вскочил и бросился на меня. Мы, сцепившись, рухнули на пол, он оказался сверху, подмял меня под себя, и...

– Прекратите! – отчаянно закричала с порога мама. – А ну, прекратите сейчас же!

Рашид отпустил меня и медленно поднялся на ноги. Он тяжело дышал, капли пота катились по смуглому, как у отца, лицу.

– Прости, – сказал он и протянул мне руку, чтобы помочь подняться.

На следующий день Рашид ушел на охоту один, не позвав меня. На север, куда обычно мы не ходили. Сутки спустя он вернулся без всякой добычи, на вопросы отвечать отказался, а на следующее утро ушел опять. На этот раз его не было четыре дня, и мама переволновалась, до этого ни один из нас не уходил так надолго. На пятое утро Рашид вернулся. В поводу он вел двух лошадей, гнедую кобылу и серую в яблоках.

– Откуда это, сынок? – опешила мама. – Где ты их взял?

Рашид долго не отвечал, потом процедил сквозь зубы:

– Не бойтесь, никто на нас не подумает.

Больше ничего говорить он не стал, а, вооружившись отцовским топором, принялся мастерить во дворе конюшню. Я взялся ему помогать, с конюшней мы провозились все лето, потому что ничего в строительстве не понимали, но к осени с грехом пополам соорудили нечто кособокое и уродливое. Так же, с грехом пополам, я научился ездить на лошади. Рашиду же и учиться не пришлось: он носился на лошадях так, будто занимался этим с самого детства.

Зимней метельной ночью тихо умерла мама – не проснулась поутру. Рашид стоял и молча смотрел на нее, а я снова ревел навзрыд, забыв о том, что мужчины не плачут.

Мы схоронили маму на ручьевой излучине, потом вернулись в дом и долго сидели за столом, не глядя друг на друга и не разговаривая. Я пытался понять, что же нам теперь делать, но понять мне не удавалось.

– Будем жить, как жили, брат, – решил наконец Рашид.

Про сыновей Пахадыра он больше мне не напоминал. И вообще разговаривать мы с этого дня стали гораздо реже, чем прежде.

Весной, едва стоял снег, я оседлал гнедую, она была покладистее и смирнее, чем серая в яблоках. Под седло пошла шкура крысего волка, которого неделей раньше убил Рашид. Он теперь охотиться предпочитал на востоке и говорил, что на лошади ему не страшен никакой зверь.

Я вскочил на спину гнедой и, подбадривая ее пятками, двинулся на север. К полудню я достиг лесной опушки, дальше начинались развалины города и гиблые земли. Я обогнул их с востока, заночевал в редколесье и наутро отправился дальше. К трем пополудни с вершины невысокого с пологими склонами холма я увидел вдалеке поселение православных.

Привязав гнедую к дереву, я дальше пошел пешком. Неподалеку от поселения забрался на верхушку высоченной сосны. Долго неотрывно смотрел вниз, на три десятка тянувшихся двумя линиями домов. На кажущихся с моего места крошечными людей, на раскинувшееся вокруг поле. Не знаю, было ли это поселение тем самым, из которого приходил к нам мой дед, или другим. Так или иначе, пока я глядел на него, у меня мучительно давило в груди и было скверно и горестно оттого, что я изгой и сын изгоев, которому не нашлось в жизни места.

Когда начало темнеть, я спустился на землю и медленно побрел туда, где оставил лошадь. Забрался в седло и двинулся обратно на юг.

Вернуться, навязчиво думал я по пути. Вернуться к людям. Оставить этого человека, который по какому-то недоразумению мой брат. Мы росли вместе, но что с того. Он чужой мне, у таких, как он, на уме лишь убийство и воровство, правильно сказал тогда дед.

Я злился на себя, я едва не рычал от злости. Ближе брата у меня теперь никого не было. Я гнал от себя подлые, предательские мысли, но они настойчиво возвращались и не желали уходить.

Вернувшись, я не застал Рашида. Он появился лишь под утро, когда я еще спал. Растолкал меня и потащил за собой во двор.

– Смотри!

Рашид вскинул к плечу длинную палку, в следующий миг раздался грохот, обломилась и повалилась на землю верхушка молодой сосны.

Я шарахнулся: у брата в руках была винтовка, точно такая, что мы видели на картинках в растрепанной книжке.

– Откуда это? – ошеломленно спросил я.

– С подземного склада. Я нашел его, – орадованно объяснил Рашид. – Это в двух сутках пути на восток. Места там гиблые, нехоженые с самой войны. Так вот: под землей сотни, тысячи винтовок, патроны к ним в коробках и ящиках. И еще много всего. Держи, – брат протянул мне винтовку. – Это тебе, я захватил с собой еще несколько. Стрелять очень просто, смотри: патроны загоняешь сюда...

– А зачем? – прервал я его. – В кого нам стрелять?

Несколько мгновений Рашид недоуменно смотрел на меня. Затем сказал:

– Завтра я поеду на юг и сочтусь с сыновьями Пахадыра. Если удастся, заберу у них женщин. А если нет, женщин мы найдем позже, у православных. С оружием мы возьмем, каких захотим. И вообще все, что захотим.

– Все, что захотим, – механически повторил я. – Знаешь, когда ты пальнул, мне показалось, что следующей пулей ты застрелишь меня.

Рашид раскатисто засмеялся.

– Шутник, – сказал он. – Надо же такое придумать.

– Я всерьез.

Лицо его вдруг стало будто бы каменным. Уголки губ поползли вниз, брови сдвинулись и едва не срослись вместе.

– Олег, – медленно проговорил он, – ты сейчас сказал плохие слова. Ты мой брат, единственный. Запомни: что бы ни случилось, я никогда не подниму на тебя руку. Клянусь в том памятью отца с матерью. Ты понял?

Я кивнул и почувствовал, что краснею от стыда.

– Прости, – сказал я.

– Пожалуйста, никогда так больше не говори. Ты поможешь мне с сыновьями Пахадыра?

– Нет, – отрезал я. – Не желаю никого убивать.

– Хорошо, брат, – Рашид улыбнулся, шагнул ко мне и обнял за плечи. – Я знал, что ты не пойдешь со мной, и спросил лишь на всякий случай. Ничего, я управлюсь сам.

Наутро, забрав обеих лошадей, брат ушел.

Его не было долгие двенадцать дней. Все это время я безвылазно просидел дома, выбираясь наружу лишь, чтобы поупражняться в стрельбе из винтовки. Мне было тревожно, и я сам не знал, за брата ли я тревожусь или за то, что будет, когда он появится вновь. А еще не давал мне покоя подземный склад, к которому Рашид, единственный, знал дорогу.

Он вернулся на исходе двенадцатого дня. Во дворе заржала лошадь, и я вышел на крыльцо встречать. Брат, улыбаясь, шагал от конюшни ко мне.

– Что с сыновьями Пахадыра? – спросил я.

Рашид нетерпеливо махнул рукой.

– Сыновья Пахадыра подождут, это теперь не главное, – выпалил он и, обогнув меня на крыльце, вбежал в дом.

Я растерянно постоял на пороге, затем переступил через него вслед за братом. От удивления застыл в дверях. Рашид сбросил с себя рубаху и сейчас стоял передо мной в снежно-белом дишдаше до пят. Том самом, про который отец говорил, что правоверный надевает его, когда случается важное событие в его жизни.

– Я разговаривал с людьми, брат, – сказал Рашид, глядя мне в глаза. – А потом с муллой. Помнишь, что плел тот старик? Он врал, я тогда знал, что он врет, только не знал почему. Так вот: все не так, брат, совершенно не так. Правоверных всегда было мало, до войны их было мало, а после почти совсем не осталось. А неверных много, и они всегда брали себе лучшие земли, лучшие дома, одежду, женщин и скот. Они всегда ненавидели нас.

– Нас? – переспросил я.

– Нас. Помнишь, что сказал отец? Настанет время, и нам предстоит выбрать, кто мы. Время настало. Там, на юге, живут настоящие мужчины. Их мало, и у них почти нет оружия. А у нас есть, много. Мы станем большими людьми, брат, мы с тобой дадим правоверным оружие и возглавим их. Мы придем на землю, которую у нас отняли, истребим неверных и заберем их женщин себе. И все остальное заберем тоже.

Он замолчал. Я смотрел на него и думал о том, что он мой брат. Рожденный в один день со мной, сильный, преданный и верный. И еще я думал о том, что люблю его.

Я сорвал с плеча винтовку и выстрелил ему в голову.

Мария Летюхина. Первый киборг

0

– Ирина Николаевна, вы готовы? Микрофон удобно?

– Да, все хорошо, можете начинать.

– Итак! Дорогие телезрители, с вами снова я, Иван Яшмин, и шоу «Скажи все что думаешь!». После рекламной паузы к нам присоединилась главная героиня сегодняшнего шоу! Поприветствуем! Ирина Николаевна Киселева, она же *hello_kiber*, она же – первый киборг на Земле! Аплодисменты, господа!

Ирина Николаевна...

– Можно просто Ирина!

– Спасибо, Ирина! Расскажите, Ирина, вы ведь не родились киборгом? Как вы стали тем, кто есть сейчас?

– Это случилось на следующий день после моего рождения. Конечно, я ничего не помню. Но мама рассказывала, что наша семья прошла жесткий отбор для участия в эксперименте. Когда подошел срок, ее положили в специальную клинику при институте. Простите, я не могу сказать, при каком. Поверьте, его название вам ничего не скажет.

– Понимаю.

– Сразу после рождения мне провели серию тестов, и после этого в мой мозг вживили специальный интерфейс, который...

– Спасибо, Ирина, о возможностях вашего интерфейса мы поговорим чуть позже!

Мама, не плачь. Мама, я знаю, что ты не виновата. Да, ты говорила. Первый день после родов, болит живот, я ору. Совместное пребывание, говорили они. Полезно для ребенка, говорили они. Она поест и уснет, говорили они. Она поела и орет, а надо встать и как-то доползти до туалета. В туалете отвалилась штукатурка и воняет из слива душевой. Как же больно! Хочется есть, хочется спать. Орет. Покачала. Затихла. Туалет!

Опять обход? Нет? Какой эксперимент? Доктор, говорите медленнее, я ничего не понимаю. Где подписать? Зачем? Это прививка? Нет? Какой эксперимент? Ин-тер-что? Зачем это? Какие программы? Вы хотите подключить мою дочь к компьютеру? Что за новый мир, какие новые люди, я не понимаю, доктор! Диагностика? Вы хотите проверить моей девочке мозг? Ее уже осматривали, сказали, все в порядке. Какой эксперимент? Безопасный?

Раз в полгода к врачу? Вижу, да. Клиника, адрес. Это бесплатно? Где подписать? Куда вы с моей девочкой? Завтра вернете? Осторожно, не разбудите! Чш-ш-ш, мое солнышко, чш-ш-ш, дядя доктор добрый...

1

– Скажите, Ирина, вы сразу почувствовали, каково это – быть киборгом? Или вы росли обычным ребенком?

– Первой все преимущества моей модификации почувствовала моя мама. Вы же знаете, как это бывает: у соседки дочка уже ходит, у знакомого сестры – говорит, а внучка маминной приятельницы на горшок сама садится. Такое соревнование. Я развивалась как по часам, маме все завидовали. И в поликлинике мы бывали только на профосмотрах.

Мамаша, вы с ума сошли? Как вы вообще позволили сотворить такое с собственным ребенком? У меня своих трое, я бы ни за что! Господи, ну и люди бывают. Ладно, раздевайте. Куда! Свою пеленку сначала! Памперс оставьте! Взвешивать будем, снимете. Родничок... Рост... Рубчик... А вот это вот как мне в карте отмечать? Ин-тер-что? Да что мне ваша справка? Мне свои формы заполнять надо, там таких чудес нет. Нейронный интерфейс, ну надо же.

Так, сделаете дополнительное УЗИ головного мозга. На всякий случай. Талончик вам невролог даст. Нет, к нему только по записи. Запись по телефону, в регистратуре узнаете. А что я могу сделать?! Мне дают по два талона в неделю, а у меня вас знаете сколько? Раньше думать надо было, когда ребеночка своего отдавали на опыты. Попробуйте по живой очереди, он иногда принимает, если время остается.

Жалобы есть? Колики? Укропную воду давайте по пять капель. Не помогает? Тогда вот эти капельки попробуйте. На живот выкладываете? Господи, всему учить надо. Нет, гастроэнтеролога у нас нет. Есть в областной, запись за месяц. Записывается сами, ко мне за неделю приходите, я вам дам направления на анализы. Мамаша, нам тоже много чего должны, а на деле – шиш без масла. Одевайте давайте. Следующий!

10

– Ира – можно я буду звать вас Ира? – Ира, скажите все же, в чем суть технологии? Уважаемые эксперты нам попытались объяснить, но я, честно говоря, ничего не понял. Можете рассказать нам, простым смертным, что за штука у вас в голове?

– Понимаете, я не ученый...

– Тем лучше!

– Эта, как вы сказали, штука позволяет моему мозгу напрямую общаться с компьютером. Точнее, мозгам – вот здесь (поднимает волосы) разъем для подключения к головному мозгу, здесь (поворачивается спиной к камере, демонстрируя вырез платья) – к спинному. Для спинного мозга есть еще один разъем, но его я вам, извините, не покажу (улыбается).

Можно составить на компьютере программу о том, как должно работать сердце или желудок. Или как сжигать жир и укреплять мышцы (снова улыбается). И ввести эту программу в ту часть мозга, которая отвечает за нужный участок. Или, например, передать в память текст или картинку. Хотите, прочитаю вам из «Евгения Онегина»?

– Прошу вас! Только немного! Эфирное время, к сожалению, ограничено.

Одну минутку, уважаемая. Подождите еще чуть-чуть. Вот теперь все. Мозг вашего ребенка в полном порядке, смотрите сами, вот распечатка. Сигнал проходит отлично. Что мы делаем? Ничего особенного, просто диагностика.

Программы? Какие программы? Ах, доктор говорил. Он забежал несколько вперед. Он у нас, знаете ли, большой энтузиаст. Вы должны понимать, технология новая, мы только начали двигаться в нужном направлении. Не ждите от нас слишком многого. Интерфейс прижился, сигнал проходит нормально, диагностические данные поступают в полном объеме. На данном этапе этого достаточно.

Что? Вы на другое подписывались? А вы договор внимательно читали? Там есть хоть слово про этих ваших «новых людей»? Конечно, ваших, не наших же! Спасибо должны сказать, что мы вашего ребеночка бесплатно обследуем! Надо же, какие люди пошли неблагодарные!

11

– Наверно, школьная программа заставляла вас скучать?

– Знаете, Иван, в школе есть много интересного и помимо программы. В первую очередь, мне было интересно выстраивать отношения. Я училась коммуницировать с обычными людьми, уж извините, если кого-то задевает такое определение.

Киборг! Киборг! Едет в Выборг! Ирка-жестянка, в голове поганка! Ирка-Ирка, в шее дырка! Иди отсюда, мы только с людьми играем!

А у Ирки пять за контрошу! Пф-ф, конечно! Она из интернета все списала! Подключилась и списала! Могла бы и мне помочь. И мне! Что, гордая слишком? Чтобы в следующий раз прислала смс с ответами по двум вариантам. А то знаешь что? А то мы тебя в туалете запрем! Юбку отберем и запрем! А то легко быть самой умной, если в голове компьютер.

Ирочка, а вот здесь ты могла постараться и получше. Все-таки возможностей у тебя побольше, чем у одноклассников. Столько помарок! По-хорошему, твоя работа между тройкой и четверкой. Кому-нибудь вроде Симы я бы и пять поставила, просто за верные ответы. Но у тебя тут решение не расписано, здесь грязь, а здесь оформление хромает. Тебе так много дано! Ставлю три, чтобы в следующий раз уделила время оформлению. И не надо на меня так смотреть! Не ленись шевелить своими электронными мозгами!

Тесты у вас, девушка, неплохие. Но можно ли верить результатам? Вы знаете условия – никаких электронных устройств во время единого экзамена. Что бы вы ни говорили, я не могу быть уверен. Вот что, случай индивидуальный, мы проведем для вас устный экзамен.

М-м-м, неплохо, неплохо. Но на дополнительные вопросы могли бы отвечать и поувереннее. Да, поувереннее. Девушка, вы знаете, какой у нас конкурс на бюджет? Тут не то что для киборгов, для людей мест не хватает, извините. В конце концов, почему бы вам не поступать на кибернетику? Вам с вашими особенностями должны быть ближе технические специальности. Впрочем, мы всегда рады будем принять вас на коммерческой основе.

100

– Позвольте нескромный вопрос. Вы же знаете, людям всегда интересны пикантные подробности. В интимной сфере ваша модификация дает какие-либо преимущества? Или киборгам это неинтересно?

– Все же я наполовину человек. Но от подробностей позвольте воздержаться (скромно опускает глаза). Просто попробуйте представить, что означает многоканальное восприятие информации. Запах, вкус, прикосновения – лишь малая часть! Я говорю уже о возможности предугадывать каждое движение партнера...

А что это у тебя? Что? Не-не-не, подруга, извини. А вдруг тебя закоротит в самый ответственный момент? Вот, возьми на память, и до свидания. Нет-нет, я сам тебе перезвоню!

А ты мои мысли читать будешь, да? Знаешь, я во время секса такую фигню думаю. Не, мне перед тобой как-то неудобно. Чао, бэби! Ищи своего эр-два-дэ-два!

Слушай, я вообще толерантный, но как-то просто не хочется...

У-у-у, ты крутая! Можно, я буду звать тебя Евой? Нет, это из Евангелиона. Она не совсем киборг, зато водит крутую меху! Давай как будто ты – это она, а я типа ученый и тебя типа исследую. Что? Почему сразу на***? Кому ты вообще нужна, жестянка фригидная!

Можно, я буду звать тебя Тринити? А разъем дашь потрогать? Куда-куда пошел?

Аска? Да хоть колбаска! А лучше просто заткнись и иди ко мне, придурок. Нет, я не плачу. Киборги не плачут.

101

– Ира, я так вам завидую! Мы все завидуем! Спасите нас, признайте, есть же хоть какие-то недостатки в том, чтобы быть киборгом!

– Конечно, есть! Когда я путешествую, постоянно приходится объяснять сотрудникам аэропортов, что мне не стоит проходить через рамку.

* * *

Девушка! А ну стойте! Ваши документы! Ничего не случилось, стандартная проверка пассажиров метрополитена. Хорошо. Теперь через рамочку пройдите, пожалуйста. Почему нет? Такая молодая, а уже с кардиостимулятором? Нет? А что тогда? Ин-тер-что?! Что за хрень ты мне впариваешь?!

Да не тычь мне своей справкой, я тебе таких сам нарисую, сколько хошь! Дрюнь, гля, совсем эти косплееры оборзели! Прикинь, у этой бабы справка, что у нее в мозгах – ин-тер-фейс!

Так, давай-ка свой фейс в рамочку или дуй отсюда на автобус. Метро – это у нас что? Объект повышенной опасности! Здесь психам не место! Нет, ну надо же, совсем молодежь свихнулась.

110

– Ира, сейчас вы – успешный видеоблогер. Но я знаю, что это не первое ваше занятие. Расскажите, как складывалась ваша карьера.

– После вуза я, как многие другие, попробовала обычную офисную работу по пять дней в неделю. Я быстро поняла, что просиживать время в кабинете – это не мое. Моя миссия – нести людям свет постчеловеческого будущего. Простите за пафос, но то, чем я занимаюсь сегодня, очень важно для меня.

Светк, глянь, как эта киберша по клавишам стучит. Как будто ей больше всех надо! Не, Людк, ей не надо больше всех. Ей вообще ничего не надо. Вишь, уткнулась в экран и по сторонам не смотрит, слова доброго не скажет. Ну и пусть себе работает. Вкалывают роботы, счастлив человек!

Ой, а наша-то киберша, оказывается, и по-человечески может! Видала, как нашему админу глазки строит? Еще бы, он ей, считай, вместо доктора будет! Я б так на ее месте с гинекологом постеснялась бы амуры крутить, хе-хе!

* * *

Ирина Николаевна, вы отличный работник. Наша компания вас очень ценит. Но вы должны понять, что я не могу поставить киборга руководить людьми. Это отрицательно скажется на климате в коллективе. Вы ведь понимаете? Возможно, вам сложно оценить такую

концепцию, как корпоративная этика, но я вынужден ею руководствоваться. Можете погуглить прямо сейчас, я подожду.

Нет, я не могу повысить вам зарплату. У нас четкая тарифная сетка, я не могу платить вам больше, чем предусмотрено вашей должностью. Будь вы руководителем проекта... Я же объяснял, киборг не может руководить людьми в нашей компании! Хорошо, к Новому году мы обязательно вас премируем за отличную работу. Наверно, у киборгов есть и свои потребности, раз вы так на этом настаиваете. Контакты там почистить, хе-хе.

Уходите? Какая жалость! Не хотелось бы терять такого работника, как вы. Но раз вы настаиваете... А вообще, скажу вам честно, с людьми работать проще. Да. Успехов!

Быы, не спать, Ирка! Не спать! Завтра дедлайн! А вот мы сейчас кофейку выпьем. Чш-шерт! Любимая футболка! Ничего, девочка, зато ни один долбодятел не клюет тебе мозг. Так, а это что за мыло? Кому не спится в ночь глухую? Блин, что значит, когда сдам? Дедлайн же только завтра! Ну, то есть сегодня, но не в четыре же утра!

111

– Ира, вы сейчас на пике популярности. Вы, можно сказать, светская львица. Ваше лицо на обложках журналов, на экранах телевизоров. Кстати, спасибо, что согласились прийти к нам на эфир. Я уже говорил, что немножко вам завидую? А свое самое первое интервью вы помните?

– Да, конечно! Я помню практически все, что со мной происходило после трех лет. Таково свойство электронной памяти. Я помню, как ко мне пришла скромная девчушка из районной газеты. Мне показалось, что она немного меня побаивается.

Это все, что вы можете? Диагностика мозга? И в каком он сейчас состоянии? Ах, нужна аппаратура? А сами не можете? А какие специальные программы у вас установлены? Никаких? А вы можете прямо сейчас выйти в интернет? А, например, подать команду мультиварке? Давайте, я загружу продукты, а вы ее включите? Нет? А перемножьте 2984 на 183? На калькуляторе и я могу! Нет, в столбик не могу, но это тоже не считается!

Спасибо, Ирина, если публикация состоится, я обязательно пришлю вам ссылку. Это не я решаю, мой редактор определяет, насколько материал нам интересен. Нет-нет, если что-то будет непонятно, я сама с вами свяжусь. Всего доброго, до свидания!

М-м-м, диагностика мозга? И... Сколько мегагерц? Погодите, я записываю. Текущая скорость обработки информации... Ага! Специальные программы? В основном, физиология? О, я бы тоже так хотела – проводок в мозг, и сразу худею! А еще? Иностранные языки? И сколько вы уже изучили? Парле ву, шпрехен зи? Ооо, аригато! А в интернет? Вирусы? Ох, сожалею. И сложно проходит лечение? Голова кружится? Сочувствую!

Спасибо за интереснейшее интервью! Завтра утром выставим на сайт, я ссылочку пришлю! Могу к вам в дальнейшем обращаться как к эксперту по новым технологиям? Спасибо!

Сколько-сколько за интервью хотите? Нет, мы столько даже кинозвездам не платим. Вот сумма, которую мы можем предложить. Хорошо, но не меньше пяти тысяч знаков. Мы потом, если что, урежем. А лучше я сама все напишу и вам дам согласовать.

Придете к нам на шоу? Ничего себе у вас запросы! Хорошо, но у нас тоже есть свои условия...

Сколько стоит упоминание в вашем блоге? А если по бартеру? Мы можем предложить отличную спа-программу! Хорошо, и половину суммы. Цитату для упоминания согласуйте, пожалуйста, заранее. Приходите в любое время, скажете, что у вас сертификат, и назовете имя, но лучше за день записаться. У вас же нет противопоказаний? А контакты не заржавеют? Извините, неудачная шутка! Всего вам доброго!

1000

– Ирина, вы стали киборгом больше тридцати лет назад. Ой, простите, мне не стоило выдавать эту тайну! Вы же меня прощаете? Честное слово, выглядите вы на все семнадцать! И все же: эксперименты начались тридцать лет назад, а таких, как вы – раз-два и обчелся. Что случилось? Неужели что-то пошло не так?

– Почему же? Разве со мной что-то не так? И у моих друзей-киборгов тоже все в полном порядке. Просто нам очень повезло получить дорогую технологию в порядке эксперимента. Сейчас пока что модификация стоит очень дорого. А те люди, которые могут себе позволить такие суммы, не любят распространяться о своих преимуществах. Это первая причина.

А вторая, на мой взгляд, в том, что люди реакционны. Они, точнее вы, вы боитесь всего нового. Сколько споров было вокруг мобильных телефонов? Излучение, влияние на мозг, фээсбэшники в веб-камерах! А сейчас вам проще ломать глаза в электронных очках, хотя, по сути, это топтание на месте. Какая разница, двигать курсор пальцами или зрачками, если можно загрузить программу прямо в мозг? Именно поэтому моя миссия – объяснить всем и каждому, что не нужно бояться новых технологий. Когда-нибудь они станут доступны для всех, и такие, как я, встретят вас на пороге в новый мир огромных возможностей!

* * *

Васенька, родной, как там твои обезьянки? Все так же? Одна диагностика? Ни одна программа больше не идет? Бедняга, ты совсем вымотался в этой своей лаборатории. Положи бутерброд, я тебе сейчас человеческой еды разогрею! Если ты киборг, это еще не значит, что ты должен есть всякую дрянь. Хватит того, что я этой дряни по жизни наелась.

Нет-нет, котик, у меня все хорошо. Просто еще одно тупое интервью. Нет, к вам я работать не пойду. Знаешь такое слово – гуманитарий? Это ты у нас гений, словно и в самом деле киборг! А я в вашей лаборатории могу только обезьянкой работать, да еще клетки мыть за другими обезьянками. Что, не надо мыть? А что делать? Бумажки перекладывать? Вот уж спасибо так спасибо!

Знаю-знаю, свои люди, все понимают, пальцами не тычут. Солнышко, я в курсе, как тебе там хорошо. Вот и сиди в своей уютной башенке из слоновой кости! А мне уже поздно, извини. Буду дальше выколачивать золотые эскудо из ветряных мельниц. Ты что, обиделся? Вот дурачок! Иди ко мне! Как же долго я тебя искала... Угадаешь, откуда цитата, – поцелую! И просто так тоже поцелую. И так тоже поцелую...

1001

– Ира, скажите, только честно: когда у вас будет ребенок, вы установите ему интерфейс?

– Я...

Ирка-зефирка, держись, не падай! Новость? У тебя? Не-не-не, чур, я первый! Получилось! Слышишь ты, у нас получилось! Какой говорящий шимпанзе? Да ну тебя! Я серьезно! И не шимпанзе, а шимпанзенек! Мы можем удаленно управлять пульсом новорожденного шимпанзенка!

Ирка, пульс – это только начало! Мы специально начали с базовой физиологии, потому что она сейчас у него активнее всего будет развиваться. Потом моторика, да, а потом, может, и речь – чем черт не шутит! Главное – постоянное развитие, понимаешь?

Мы с самого начала все делали не так! Думали, установим интерфейс, посмотрим, как приживется, как поведет себя, а потом уже программы писать будем. А его нужно обучать! Понимаешь, ребенок обучается, и с ним обучается его интерфейс! Тогда они смогут взаимодействовать! Тогда мы с ним сможем взаимодействовать!

Мы готовим новый цикл экспериментов. Теперь все будет как надо. Только представь: отбор потенциальных родителей из тысяч пар, ведение беременности, роды у нас в клинике, лучшее медицинское обслуживание, развивающие группы с лучшими педагогами, все самое лучшее! И это будут настоящие киборги – с управляемой физиологией, электронным обменом информацией, ускоренным мышлением. Новые люди, понимаешь! К нам родители в очередь будут строиться, только чтобы отборочные тесты пройти!

Впрочем, для своих можно и исключение сделать, да? Слу-ушай, может, нам с тобой ребеночка завести? Будет настоящий первый киборг! Ир, ты что на меня так смотришь? Ир? Тебе нехорошо?

Ты – что? Господи, Ира, Ирочка, а я-то чушь несу! Прости меня, девочка! Ну, хочешь, уедем? Убежим ото всех? В глушь, в деревню? Я сам у тебя роды приму, я умею, я у обезьян... Ну, прости! Не надо никуда уезжать! Никто же нас не заставляет участвовать. Все будет как раньше, я буду работать, ты веди свой блог, если он тебе так нужен, будет у нас самый обычный малыш. Самый лучший малыш! А если все же захочешь... Только если захочешь! Ты только скажи, чего ты хочешь?

Ну, чего?

Я...

Александра Давыдова. Топ-топ-топ

«Топ... топ-топ... Маленькие рыжие лапки переступают по траве с осторожностью. Их владелец взволнован, крутится на месте, поскальзывается на изумрудных гладких стебельках. Потом тыкается усатой мордочкой в землю и, наконец поверив, что свобода – взаправду, бежит по лужайке. Топ-топ-топ! Развевается пушистый хвост, похожий на павлинье перо, уши торчком, в зрачках-щелочках отражаются облака – котенок подпрыгивает и на секунду зависает над землей, молотя лапами по воздуху. Потом валится обратно – бум!

Мята-мята-мята... Откуда махнет мятой? Где-то совсем близко! Мята-мята-мяу-у-у... Фр-р-р-р!

На газоне включается автоматическая поливалка. Котенок снова подпрыгивает, шипит и бросается обратно к дому. Крыльцо, с которого его спустили всего минуту назад, все ближе.

Мята-мята-мокро! Ф-ф-ф-ф!»

Я лежу на продавленном диване, закинув руки за голову. Под пальцами – жесткие, колючие волосы. Нормально уложить их почти невозможно, расчесать, когда длинные, – смерти подобно, поэтому я стригусь коротко. Но в тот день у меня были два хвостика и бантики. Розовый и розовый в горошек. Почему-то это кажется важным. По-моему, мне было шесть. И я смеялась.

Я закрываю глаза и снова вижу Топа, который первый раз оказался на улице, попал под «дождь» из оросительной системы, испугался и бросился ко мне на крыльцо. Помню, как я хохотала до слез – потому что, пытаясь запрыгнуть на руки, он исцарапал меня до крови. Помню его уши с кисточками, как у рыси, пучки шерсти между когтями, горячий пухлый животик и серьезную морду.

Открываю глаза и поднимаюсь. Что ж, попробуем еще раз.

Беру со стола планшет и начинаю расхаживать туда-обратно. Четыре шага влево, четыре – вправо. Если семенить, то пять. Комната давно посчитана.

Посчитана так же, как и правильный объем текста, читательский охват, цитируемость площадки. Дело за малым – написать. Достать из себя хоть что-то, что будет интересно толпе. Что принесет отклик. Даст знать, что я не зря пишу в блог. Я пытаюсь передать чувство неограниченного детского счастья, свое удивление, рассказать про смешную, трогательную, такую настоящую сцену... поделиться со всеми. В голове воспоминание складывается в разноцветную мозаику, все кусочки которой на месте, но с текстом почему-то не получается. Фразы получаются неловкими, плоскими. В них нет чувств.

Пальцы противно скользят. Теперь со стороны я кажусь себе похожей на краба, который клешнями ухватился за тонкий гаджет и притворяется человеком – будто может хотя бы что-то осмысленное натывать на сенсорном экране.

Но крабы не пишут в блог, крабы ничего не помнят о котятках, крабы ходят боком и слушают шум прибоя. Картинка из воспоминания теряет цвет, становится черно-белой и как будто чужой. Я сжимаю планшет беспомощными пальцами – клешнями, черт побери! – и опускаюсь на диван.

Прогресс налицо. Сегодня я не плачу. Совсем не плачу, несмотря на то, что несколько часов снова потрачены зря. Тем более что удалось вспомнить котика. Все любят котиков.

И никто не любит неловких бессловесных крабов, которые не способны превратить воспоминания в источник доходов. Больше-то превращать нечего. Иногда мне кажется, что в голове нет ничего, кроме прошлого. Ни полезных навыков, ни умных мыслей, ни умения анализировать, ни ярких озарений. Явилось одно яркое воспоминание – и что? Пришла пора отправить его в воображаемую мусорную корзину. Я не способна к текстовой трансляции.

Из-за двери слышатся крики. Родители опять ссорятся.

– Дармоедка! – это отец. Наверняка про меня. Еще бы. Двдцатилетняя дылда на шее у родителей.

– ... Ты не понимаешь... Тихо-тихо, – это мама. Всегда и всех пытается успокоить. Держит меня за руку, когда мы ходим к врачу. Чтобы я не боялась уколов толстой иглой. Заботится обо мне, как в детстве. Должно быть, как в детстве. Точно я не помню. Но, по крайней мере, я знаю, что у меня тогда были хвостики. И два бантика.

К врачу мы ходим почти каждую неделю. Он задает мне одни и те же вопросы. Ты хорошо спишь? Ничего не боишься? Ты чувствуешь, как частит сердце или бьется слишком сильно? Что тебя тревожит? Я почти никогда не отвечаю. Молча смотрю в окно. Интересно, доктор выучил вопросы наизусть или каждый раз зачитывает их из компьютера?

Мама говорит за меня. Рассказывает, как я спала, что ела, сколько гуляла. Она юлит перед врачом, подобострастно заглядывает ему в глаза, поддакивает, кивает. На самом деле она боится, что страховая откажется платить за уколы. Мол, инъекции с витаминами и симуляторами – не обязательная часть терапии. Мол, краткосрочная память сохранилась – и ладно. А детские воспоминания – это роскошь. У меня частичная амнезия... была раньше. Теперь я почти все помню. Благодаря маме и врачу, которого она уговорила не прекращать лечение.

«Топ-топ-топ! По тротуару бежит щенок таксы. Уши развеваются на ветру, как два озорных флага. Блестящая гладкая шерсть переливается на солнце. Рядом с ним на велосипеде катится девочка. Подвернутые рукава рубашки, нос в веснушках, лакированные красные сандалии. Когда переднее колесо попадает в лужу, оставшуюся после вчерашнего дождя, поверхность воды разбивается на тысячу прозрачных осколков.

Черный мокрый нос несется сквозь волну брызг, как нос веселого маленького ледокола – через ледяные торосы и северное сияние.

Девочка смеется...»

– Нет-нет, – качает головой женщина. – Это совсем не то. У вас есть что-нибудь про кота?

– Кота? – вежливо улыбается продавщица, садится на корточки и роется в нижнем ящике под прилавком. – Да, есть. Черная кошка на подоконнике в полнолуние, ведьмин кот в пентаграмме...

– Нет. Что-нибудь радостное. И... кот должен быть рыжим.

– К сожалению, нет, – разводит руками девушка. – Чтобы сразу и девочка, и рыжий кот, и радость – такого не осталось. На прошлой неделе вы забрали последнее.

– Скоро новый завоз? – Женщина теребит ремешок сумки. Заправляет прядь волос за ухо. Прикусывает нижнюю губу.

– Зайдите дней через десять.

Женщина рассеянно кивает и выходит из магазина. Делает несколько шагов по тротуару, потом будто спохватывается и быстро оглядывается по сторонам. Никто из знакомых не должен ее здесь видеть. Иначе... Она мотает головой, будто вытряхивая дурные мысли, и быстро идет прочь.

«Топ-топ-топ! По широкой лестнице бежит карапуз лет пяти. Внизу его ждет мама, раскинув руки. Внизу ждут море и сладкая вата! Ступеньки низкие, но их много, поэтому во рту уже поселилась запыхалка, и щеки горят, но Вадик смеется и продолжает бежать...»

– Видели? Видели, да? – Отец поворачивается к нам с мамой и тычет в телевизор. – Совсем охренели!

На экране появляется молоденькая журналистка – почему-то они все такие в криминальных новостях, для контраста, не иначе – и рассказывает о том, как в руках полиции оказалось несколько записей детских воспоминаний. Даже меня передергивает, несмотря на имидж краба-пофигиста.

– ...Судя по количеству найденных записей, было убито более десяти детей. Все в возрасте от четырех до семи лет.

– Это логично, – перехватывает нить разговора следователь. – Самые яркие детские впечатления формируются именно в этом возрасте.

– Живодеры, с-с-суки, – шипит отец. С работы он пришел уже навеселе, но успел еще добавить перед ужином. Так что теперь готов уличать весь мир в страшных злодеяниях. Не только меня. – А я ведь говорил... Говорил, что сначала лицензию на убийство животных одобряют, а там и до людей недалеко.

– Уймись, – привычно бормочет мама. – Никто не собирается трогать людей. Видишь – преступников поймали и судят. Сам слышал, что они работали на черном рынке. Кто из нормальных людей будет покупать там записи?

– Кто из нормальных людей вообще покупает эти записи?! А главное – кто запихивает их себе в голову? – Папу сегодня не унять, да. Предвкушаю теплый вечер с взаимными оскорблениями, битой посудой и хлопнувшими дверями. Морально готовлюсь, так сказать. – Эмоции мертвых животных, чтоб...

Пока отец подбирает ругательство из своего богатого арсенала, я пытаюсь убраться в комнату. Бочком-бочком. Будто краб. Меня здесь нет. Разбирайтесь сами, а я в домике. Интересно, у крабов есть домики?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.